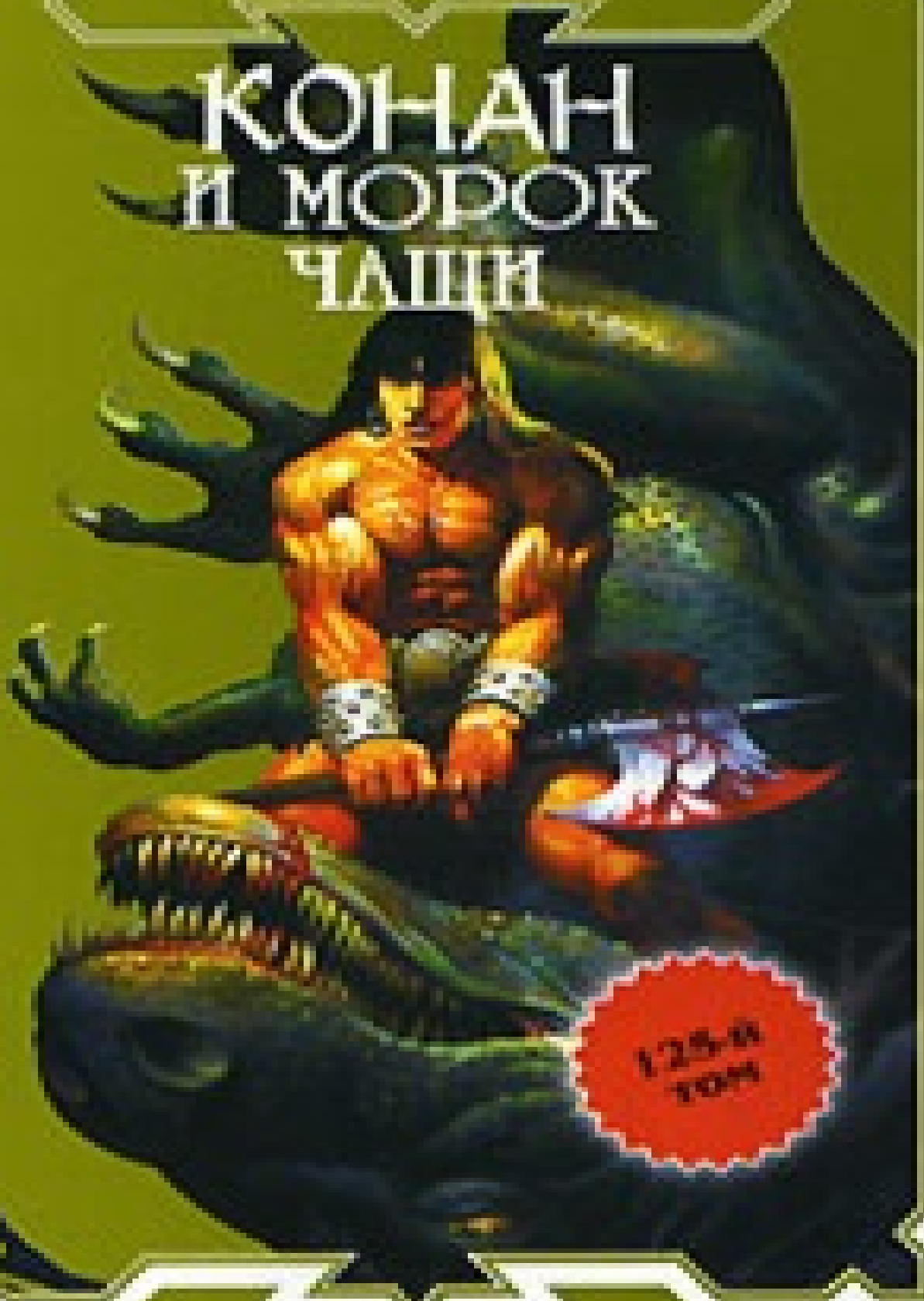
КОНАН
И МОРОК ЧАЩИ



125-й том

Annotation

…и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2006, том 125 «Конан и морок чащи»
Ингрид Самбарус. Дворец Тысячи Комнат (повесть), стр. 69-176

- Ингрид Самбарус
  -

Ингрид Самбарус
Дворец Тысячи Комнат

— Скажите, почтенный, где мы могли бы увидеть господина Конана? Хозяин «Пивного бочонка», дремлющий за стойкой, соизволил приоткрыть сперва один глаз, затем второй, а затем уже снизошел до ответа. С виду Хитрый Джарид производил впечатление толстого и добродушного толстяка. Однако ни для кого из обитателей Сухой Гавани не было секретом, что лени и добродушия у него ровно столько же, сколько у бурого урсуса из тех, которые водятся в самых диких и непролазных лесах на границе с Асгардом.

Заведение Хитрого Джарида было известно далеко за пределами Шадизара, особенно среди тех, чьи отношения с законом не отличаются простотой. Впрочем, среди жителей Сухой Гавани немногие могли бы назвать себя благонамеренными гражданами, не покривив при этом душой. Воры, скупщики краденого, авантюристы всех мастей, которые слетались в Шадизар подобно мотылькам, привлеченным пламенем светильника, питали особенную симпатию к этой самой неблагоустроенной из городских окраин.

Отчего получила такое странное название часть города, между которым и морским берегом лежало много дней пути, никто не знал.

Рассказывали, что когда-то в незапамятные времена, еще до того, как покинули наш мир Старые Боги, воды в море Вилайет было гораздо больше, чем теперь, линия его берега имела совсем другие очертания и волны плескались у самых стен древнего города. После того, как разразилась Битва титанов, лицо мира неузнаваемо изменилось… Некий видный ученый из Дворцовой Академии, открытой почти два века назад в столице Офира, почтил Сухую Гавань своим присутствием. Целыми днями он в сопровождении слуг бродил по грязным кривым улочкам, поминутно сверяясь с какими-то бумагами и повергая в смятение местных жителей, которые, по роду своих занятий считали день временем суток, предназначенным исключительно для сна. Именно в «Пивном бочонке» он после обильного ужина, поданного самим хозяином, поведал своим слушателям, что в древней легенде можно выискать некое зерно истины. Расположение нескольких самых старых улиц ясно указывает на то, что гавань здесь вполне могла быть…

«Пивной Бочонок» считался роскошным заведением среди тех, кто предпочитал честному труду ловлю рыбы в мутной воде, причем обставляя это занятие с наибольшими удобствами. Здесь можно посидеть, заказав блюда, которые вполне могли быть только что украдены прямиком с кухни наместника. Можно было посмотреть на танцовщиц или в одиночку наслаждаться их обществом в одной из комнат верхнего этажа. Здесь никогда не происходило крупных скандалов и драк, что было большой редкостью для этого района Шадизара.

Те же, кто оказывался настолько безрассуден, чтобы не внять первому и единственному предупреждению, были счастливы, если их просто выбрасывали из дверей заведения. Многие из случайно зашедших сюда чужаков, кто вызывал хотя бы легкие подозрения в сотрудничестве с тайной стражей или Святым братством, обычно совершали такой же полет на другую сторону улицы, завершающийся весьма чувствительным ударом о забор с последующим падением в глубокую зловонную лужу. Или бесследно исчезали навсегда, что

вовсе не вызывало удивления. Сухая гавань и есть Сухая гавань и нужно как следует подумать, прежде чем соваться сюда.

Но на этот раз крохотные заплывшие жиром глазки Хитрого Джарида не обнаружили ничего, что могло бы помешать господам постояльцам предаваться развлечениям и обделывать дела по своему усмотрению, увеличивая его и без того немаленькое состояние. Перед хозяином «Пивного бочонка» стояли, немного растерянно озираясь по сторонам, несколько человек, которые бы походили на уроженцев Кофа, если бы не странный разрез глаз и черные с зеленым отливом волосы, заплетенные во множество косичек. Безо всякого сомнения перед ним были чужеземцы, мало знакомые с обычаями городского дна и Сухой Гавани в особенности. На купцов или паломников вроде не похожи, скорее всего — охрана какого-то важного господина, набранная из одних провинциалов…

— Он наверху, но вряд ли ему понравится, если кто-то помешает его развлечениям.

— Мы разыскиваем его по поручению одного очень важного лица. Даю слово, что дело, которое привело нас сюда, не нанесет господину Конану ни малейшего ущерба — ответил один из пришельцев голосом, чем-то напоминающим чириканье зеленой птички, обитающей в джунглях Черных королевств и питающейся цветочным нектаром. Все прочие согласно закивали, растягивая губы в самых вежливых улыбках.

— Не знаю, что могу сделать для вас, уважаемые. Можете подождать его здесь, если хотите. Я распоряжусь, чтобы вам подали вина…

Но узкая рука с длинными пальцами ловко положила перед хозяином сразу несколько полновесных золотых монет.

— Весьма благодарен за ваше гостеприимство, но наше дело не терпит отлагательства, — ответил странный собеседник с тем же щебечущим акцентом.

Монеты были в мгновение ока накрыты холщовым передником и исчезли со стойки.

— Поднимитесь по лестнице, третья комната справа, — как бы нехотя проворчал Хитрый Джарид. — Но предупреждаю, он не жалует незваных гостей.

И, удобно устроившись возле хитро замаскированной слуховой трубы, он принялся ждать дальнейшего развития событий.

Ждать пришлось недолго. Скрип ступеней старой рассохшейся лестницы, затем осторожный стук в дверь и последующий за этим грохот, сопровождающийся жалобными выкриками, убедили хозяина «Пивного Бочонка», что он не ошибся в своих предположениях.

* * *

Конан, уроженец Северной Киммерии и один из самых везучих воров Шадизара, чья искусность и удачливость вошли в поговорку, пользовался поистине запредельным успехом у прекрасного пола. Его мощная фигура, от которой так и веяло звериной силой и мужеством, достойным короля-воина из древней легенды, синие глаза и грива темных волос одинаково не давали спокойно спать и уличным девкам и утонченным аристократкам. А его великодушие в сочетании с поистине королевской щедростью также как и прочие достоинства делали для них встречу с Конаном из Киммерии одним из самых сладких воспоминаний.

Благородный варвар отвечал красавицам таким же благосклонным вниманием, но ни одна из них не задерживалась надолго в его сердце. Мир полон прекрасных женщин, зачем останавливаться на какой-то одной? Или, что не менее вероятно, линия его судьбы еще не пересеклась с той, которую он пожелал бы назвать своей…

В тот вечер подружкой, которую Конан пригласил провести с ним время, оказалась уличная певичка. Она не отличалась особенной красотой, а голос ее более всего походил на мяуканье кошки, которая призывает кавалеров. Но благородному варвару, который не упускал возможности воздать должное женской красоте, показались необычайно привлекательными ее ярко-зеленые глаза и короткие ярко-рыжие волосы, торчащие в разные стороны, не говоря уже о фигуре, напоминающей статуи в одном из храмов Иантры. Кроме того, девица, как оказалось, обладала бурным неистовым темпераментом, что удивило даже Конана. Поэтому они оба были весьма недовольны, когда их прервали в самый разгар любовных утех.

Сперва острый слух варвара уловил, как кто-то внизу произнес его имя, затем раздались шаги нескольких пар ног, направляющиеся к лестнице. Замерев на мгновение, он жестами попросил подружку последовать его примеру. После этого хитрый северянин совершил прыжок через всю комнату, ловко приземлившись перед самой дверью. Ветхая трактирная мебель и пол, обычно оповещающие о каждом движении постояльца, при этом даже не скрипнули.

Стоило одному из незваных гостей поднести руку к двери, как та распахнулась сама собой. Гигант, не потрудившийся надеть даже набедренную повязку, мощной рукой сгреб пришельца за одежду и, втащив его в комнату, отправил прямиком в окно. За ним последовало и двое его спутников. Последний, который пытался что-то объяснить, без чувств растянулся на полу, сраженный кувшином из-под вина, который ловко швырнула уличная прелестница.

Когда гнев немного поутих, уступив место благоразумию и здравому смыслу, Конан решил посмотреть, кто же попался ему под горячую руку.

Собственно говоря, стоило варвару услышать свое имя, произнесенное незнакомцем, как он решил, что его ищут по поручению тех, кому пришлось не по вкусу посещение своей сокровищницы или собрания редкостей. Кто из обокраденных им вельмож мог послать за ним? Вроде бы ни у кого из тех, кого он «осчастливил» своим визитом не было слуг с такой необычной внешностью… Надо будет заодно спросить хозяина заведения, почему он позволил помешать ему. Разве он недостаточно заплатил за возможность спокойно предаваться удовольствиям?

Но едва северянин сгреб последнего незваного гостя за шиворот, чтобы без промедления вышвырнуть его вон, как тот пришел в себя и принялся что-то горячо и неразборчиво доказывать. Вид незнакомца при этом был настолько жалкий, что великодушный северянин вместо того, чтобы стащить помешавшего ему вниз по лестнице как бесчувственный мешок мусора, усадил его на табуретку и даже плеснул ему в кружку немного вина.

Под действием выпитого взор странного посетителя немного прояснился.

— Вы и есть господин Конан? — спросил он голосом, похожим на щебетание крохотной птички, из тех, которые охотно покупают аристократы для того, чтобы услаждать слух их пением. — У меня к вам важное дело.

— Ну, я Конан, — буркнул в ответ киммериец. — Какое еще к Эрлику дело?

Прежде всего, мне поручено передать вам вот это. — Незнакомец ловко извлек из складок своего просторного шелкового одеяния небольшой, но по виду довольно увесистый

кошелек и с поклоном протянул его Конану. — Это за то, что мы своим появлением нарушили ваши планы… и помешали вашему отдыху.

Конан открыл кошелек, сперва взвесив его на ладони. В изящном кожаном мешочке лежало несколько полновесных золотых монет, на которые можно было бы при желании купить весь «Пивной бочонок», включая слуг, постояльцев и годовой запас выпивки.

Немного озадачено северянин уставился на своего странного собеседника. Никогда еще в его богатой приключениями жизни не случалось получать деньги просто так, да еще от человека, пострадавшего от его неласкового приема.

Нет, подвоха здесь не было; интуиция, сравнимая только с инстинктами хищного зверя, обязательно дала бы сигнал тревоги, будь в словах незнакомца хоть малейшая капля лжи или хитрости.

— Рассказывайте, что вам надо, — добавил он уже более доброжелательным тоном.

Собеседник чуть заметно кивнул и указал глазами на сидящую на кровати прелестницу, которая неторопливо расчесывала волосы, даже не сочтя нужным привести в порядок свою одежду. Без малейших колебаний киммериец вынул из кошелька одну из монет и кинул ее девушке. Та, ловко поймав ее, улыбнулась варвару и неторопливо направилась к двери, не забывая соблазнительно покачивать бедрами.

— Так что у вас за дело ко мне? — снова спросил киммериец, не без некоторого сожаления проводив ее взглядом.

— Ваша слава непобедимого воина дошла до самых отдаленных земель. Говорят, что нет такого противника, который мог бы противостоять вам…

— Нет, с этим покончено, — резко перебил его Конан. — Я не дерусь на потеху публике.

— Что вы, глубокоуважаемый господин Конан, — забеспокоился странный посетитель, стараясь жестом остановить северянина, который собрался уже вернуть полученный от него кошелек. — Некое важное лицо просит вас найти злоумышленника, пробравшегося в его дворец.

— Всего-то! — усмехнулся северянин, пожав могучими плечами. — И сколько готов заплатить этот господин за такую простую работу?

Названная сумма произвела впечатление даже на варвара, который уже привык к тому, что деньги могут внезапно появляться в довольно большом количестве. Интересно, какой из богатых бездельников способен так легко расстаться с деньгами, при этом не позаботившись обеспечить свой дворец надежной охраной?

— И где находится этот дворец? — поинтересовался Конан, окончательно поверив, что сегодняшний день и в самом деле отмечен счастливым случаем.

— Не беспокойтесь, несравненный господин Конан, — зачастил посетитель, отчего речь его стала настолько невнятной, что киммериец начал с трудом понимать его, — мы отвезем вас к нему. Дорога займет всего несколько дней. Прошу прощения, но выехать нужно сегодня же вечером, это непременное условие сделки. Не утруждайте себя сборами, мы уже обо всем позаботились.

* * *

В тот же день тяжело нагруженный караван выехал из ворот Шадизара. Никогда еще Конану не приходилось путешествовать таким образом. Так как коня, который был бы в состоянии нести на себе могучего варвара, попросту не нашлось, а купить что-то подходящее по дороге отчего-то не получилось, киммериец снизошел к настойчивым просьбам своих проводников и согласился проделать часть пути в экипаже. В таких обитых шелком и обложенным мягкими подушками домиках на колесах путешествуют лишь знатные дамы и аристократы, которые не могут выйти за порог своего особняка, не захватив с собой множество «необходимых» предметов, начиная от веера и вендийской собачки, чья морда напоминает обезьянью и заканчивая несколькими наложницами. Пол экипажа устилали мягчайшие хауранские ковры, поверх которых были набросаны подушки, набитые пухом птиц, обитающих в море неподалеку от берегов Гиркании.

Посланники неведомого заказчика изо всех сил старались, чтобы почетный гость не испытывал ни в чем недостатка и был обеспечен всеми возможными развлечениями. Ехать приходилось целыми днями, останавливаясь только для краткого ночлега, но, тем не менее, с утра до вечера в экипаж доставлялись тонкие вина и диковинные кушанья, многие из которых Конану еще не доводилось пробовать. В душе северянина, не смотря на то, что пережитых им событий с избытком хватило бы на несколько десятков жизней, по-прежнему горело неуемное детское любопытство и жадность ко всему новому и неизведанному. Поэтому он с удовольствием воздал должное дарам щедрого хозяина.

Первым блюдом подали рыбу-змею, тушеную в золотистом офирском вине. Особенно удивило неприхотливого варвара то, что кушанье было разогрето на переносной жаровне прямо во время перехода. За этим последовали гигантские фроги, чье мясо по вкусу представляло собой нечто среднее между кроликом и кальмаром, которого ловят ночью при свете масляного светильника асгалунские рыбаки. Гарниром к необычному лакомству служили мелко нарезанные виноградные листья вперемешку с нежными речными водорослями. На ужин в экипаж доставили большую корзину необычных пирожков. Это были шары из пресного теста, внутри которых оказалось необычайно нежное сладковатое мясо, которое пришлось киммерийцу по вкусу. Чуть позже выяснилось, что это было не что иное, как мясо лесных улиток, обитающих на склонах Карпатских гор и питающихся только листьями серебряного дерева. Узнав об этом, варвар едва сдержался, чтобы не прибить сообщившего это прислужника его же подносом.

Должно быть, решив, что женское общество развлечет важного гостя, провожатые позаботились о том, чтобы днем и ночью в экипаже или рядом с ним находилась какая-нибудь из служа-н(ж. Конан от души насладился обществом Ласаны, чья кожа напоминала черное дерево, а гибкость вызывала сомнения в том, что в ее теле вообще есть кости. После он прекрасно провел время с пухленькой веселой блондинкой Мартильей, утверждающей, что ее детство прошло в столице Аквилонии, и девушкой из Кхитая, чье имя он так и не смог запомнить.

Утром, на третий день путешествия, проснувшись, Конан к некоторой досаде, не обнаружил рядом с собой очередной подружки. Но тут прямо на ходу открылась дверца и чья-то рука втолкнула внутрь мальчика лет десяти, одетого в яркий шелковый халат. Лицо ребенка было покрыто белилами, глаза густо подведены черной краской, а губы нарисованы в виде сердечка. Почтительно поклонившись, мальчик начал перебирать струны диковинного музыкального инструмента, звук которого напоминал то капли дождя, падающие на крышу, то шелест травы, то мяуканье потерявшегося котенка. После, отложив инструмент в сторону,

маленький искусник начал творить такое, что повергло северянина в глубокое омерзение. Ценой поистине невероятных усилий благородный киммериец сдержал порыв гнева, побуждавший его немедленно выкинуть вон это развратное существо, лишь с виду напоминающее ребенка. Поняв, что не смог угодить, тот приоткрыл дверцу и покинул экипаж тем же способом, что и появился.

Один раз, перед самой границей между Аргосом и Кофом прямо на них неожиданно вылетел целый отряд разбойников. Злоумышленников было гораздо больше, чем тех, кто охранял караван и Конан собирался, было, принять участие в стычке, как все уже закончилось, не успев толком начаться. Стражи, один вид которых вызывал у киммерийца сомнение в том, что от них может быть хоть какой-то прок, одновременно вынули из висящих на шее сумочек нечто, похожее на зеркала из тщательно отполированного металла. Несмотря на то, что день был пасмурный, поверхность каждого из зеркал вспыхнула ослепительным белым светом. Лучи, вырвавшиеся из середины полированных кусочков металла, превратили скачущих первыми разбойников в подобие живых факелов. Один из них, одетый богаче прочих, прыгнул в протекающую поблизости речушку, но странный огонь не потух даже под водой.

В следующий раз, когда они проезжали по лесной дороге, путь им преградило упавшее дерево. Чтобы свалить такого великана, потребовался бы сильнейший ураган… или чьи-то злонамеренные усилия. Как и следовало ожидать, стоило каравану остановиться, как в глубине лесной чащи замелькали силуэты вооруженных людей, которые приближались, прячась до поры до времени то за одним, то за другим деревом.

Но те же металлические зеркала, расположенные под другим углом и составленные в некую сложную фигуру, в считанные мгновения превратили, казалось бы, непреодолимую преграду в горстку невесомого белесого пепла. Развернув свое непонятное, но без сомнения грозное оружие навстречу солнечному лучу, стражи заставили упасть несколько самых толстых деревьев, за которыми замерли в ожидании грабители. Некоторые из тяжелых корявых стволов навсегда лишили одних разбойников заниматься своим промыслом, превратив других в беспомощных калек, годных лишь на то, чтобы просить подаяния. Путешественники двинулись дальше, сопровождаемые воплями и ругательствами на незнакомом языке. Ни одна из стрел, пущенных им вдогонку, не достигла цели; все они без остатка сгорели, не пролетев и половины предназначенного им расстояния.

Целью их путешествия оказалось государство, о котором Конан услышал впервые в жизни. Собственно говоря, оно даже не было обозначено ни на одной карте, из тех, которые киммерийцу довелось видеть. Страна, территорию которой можно проехать из конца в конец и обратно в течение одного дня, со всех сторон окруженная землями Аргоса, но, тем не менее, упорно продолжающая считать себя самостоятельной. Как во всяком уважающем себя государстве там был королевский двор, армия, состоящая из нескольких десятков человек, там издавались законы и отправляли послов в различные государства Подлунного мира. В столице находились храмы, различные общественные заведения и даже библиотека, пышно именуемая Сокровищницей Знаний.

Последний из посетителей, который пострадал от меткости метательницы кувшинов, нанес северянину визит. Он назвался Мохсендаром, придворным советником и заявил, что ему надлежит рассказать высокому гостю о государстве, которое является целью их поездки. Особенно он остановился на законах, выполнением которых ни в коем случае не следует пренебрегать.

Категорически, под страхом вечной ссылки на Остров Серого камня, запрещалось стоять на одной ноге, обратившись лицом в сторону королевского дворца. Никому ни при каких обстоятельствах не позволялось расчесывать гривы лошадей и тем более заплетать их в косички после захода солнца. Также не разрешалось кормить священного водяного ящера, обитающего в бассейне храма Иуриана, повелителя омутов и водоворотов, переспелыми фруктами желтого цвета…

Вскоре от перечисления запретов один нелепее другого, Конан начал испытывать желание разбить первый попавшийся сосуд о голову любезного Мохсендара, чтобы прекратить этот бесконечный поток речей. Окажись на месте Конана человек, водящий более тесную дружбу с книжными науками, он бы, в конце концов, задался вопросом: кто из двоих присутствующих начисто лишен рассудка. Но прямодушному киммерийцу ситуация представлялась яснее ясного: он едет в местность, жителей которой поразило повальное слабоумие. А так как слабоумными вполне может править монарх, страдающий тем же недугом, то тогда становится понятно почему за невероятно легкое поручение обещают заплатить так неоправданно много.

Интересно, подумал Конан, растягиваясь на шелковых подушках во весь свой могучий рост, если такая цена обещана за то, чтобы он выловил из дальних покоев пару заблудившихся воришек или прогнал из кладовки обосновавшегося там бездомного пса, то какие деньги он мог бы получить за настоящую работу?

* * *

Наконец, переехав низенький полукруглый мостик из светлого ажурного камня, они оказались в местности, название которого переводится на многие языки как Край Медного Нарцисса.

Путь до королевского дворца занял не так много времени. Сперва по обе стороны от дороги, мощеной полупрозрачными дымчато-серыми плитами, расстилались бесконечные розовые сады. Казалось, кусты и целые деревья, усыпанные пурпурными цветами всех форм и оттенков, никогда не закончатся. Но когда солнце только начало клониться к горизонту, их сменили плантации шелкового дерева. Листья этого невзрачного на вид растения представляют собой излюбленную пищу полосатых гусениц, способных извергать из себя нити, тонкие настолько, что едва уловимы человеческим глазом и не знают себе равных по прочности. В древней легенде говорится, что однажды в сеть, сплетенную из таких нитей, попался кракен и ему понадобилось довольно много времени, чтобы освободиться…

Дворец не произвел на северянина никакого впечатления. Там было все, чему положено наличествовать в резиденции коронованной особы — башенки, многоцветные витражи, изготовленные кхитайскими мастерами, парадная лестница, украшенная гобеленами, изображавшими горы битой дичи и батальные сцены. Как будто строители руководствовались одним желанием возвести дворец, который был бы не хуже всех прочих.

Зал, куда провели Конана беспрестанно кланяющиеся слуги, одежду которых составляли короткие юбочки и нечто вроде полосатых воротников, отличался от всех прочих. Стены, пол и потолок были искусно выложены узорами из небесного камня. Один кусочек минерала,

цвет которого был подобен небу середины лета в безоблачный день, стоил больше, чем куча золота величиной с немедийского охотничьего пса.

Единственной мебелью здесь был овальный столик на одной ножке и довольно изящное кресло, целиком вырезанные из молочно-белого камня, взглянув на который, так и хотелось до него дотронуться.

Конан отвернулся чтобы полюбоваться окном, составленным из множества тончайших пластинок горного хрусталя с вырезанным на них непонятным орнаментом. Но не успел варвар как следует разглядеть эту диковину, как за спиной его раздался голос:

— Значит, вы и есть Конан из Киммерии?

Северянин стремительно оглянулся. В кресле, которое пустовало несколько мгновений назад, сидела старая, очень старая женщина в просторных одеждах из ярко-синего шелка. Но, несмотря на, безо всякого сомнения, почтенный возраст, голос хозяйки звучал как у двадцатилетней, а в маленьких черных глазках было больше огня и живости чем у многих, только переступивших порог юности. Более того, несмотря на то, что кожа ее напоминала фрукт, высохший на солнце, осанка сидящей перед Конаном женщины была исполнена грации и достоинства.

Северянин пребывал в полном изумлении. Он не слышал ни малейшего шума — ни шороха ткани, ни даже самого легкого вздоха, шума, который невольно издает любой человек, не являющийся бесплотным призраком. Конан изобразил вежливый поклон, решив показать, что хорошие манеры и уважение к старшим не чужды ему. Женщина, которую он даже мысленно не решился бы назвать старухой, благосклонно кивнула ему ь ответ на приветствие и сразу же перешла к делу, чем еще больше привела северянина в изумление.

— Мы позвали вас как воина, равного которому нет на свете и как человека, который может пробраться туда, куда не проникнет никто и невредимым вернуться назад. Мы просим вас о помощи, Конан из Киммерии и готовы щедро вознаградить вас.

— Я готов, почтеннейшая, — произнес варвар, тщетно пытаясь сообразить, каким же образом смогла проникнуть в зал его собеседница, — за достойное вознаграждение.

— Оно не разочарует вас, — ответила та с едва заметной улыбкой. — Прошу вас, подойдите к этому столику. Взгляните вот сюда.

На поверхности из отполированного молочно-белого камня, которая до сих пор была совершенно гладкой, теперь прямо на глазах удивленного киммерийца одна за другой появлялись светящиеся золотистые линии, которые разбегались во всех направлениях, пересекаясь и образуя светящиеся пятна. Это была карта: приглядевшись, северянин узнал реку Хорот, границу с Зингарой и Рабирийские горы. А вот и границы края, куда его занесло по воле случая. Разумеется: по этой дороге они ехали сегодня утром, этот значок не может обозначать ничего кроме королевского дворца, где он сейчас находится…

— Взгляните немного правее, — снова раздался голос странной женщины. Это озеро мы называем Океаном Росы. Создавая мир из лепестков медного нарцисса, богиня Амитис уронила на землю каплю росы с одного из священных цветов. Тот, кто удостоится чести выкупаться в водах этого озера, обретет мудрость, также ему откроется возможность прозревать истинную суть вещей… но в том случае, если он сам возжаждет этого всей душой…

— Вы говорили, что вам требуется помощь, — осторожно заметил Конан, опасаясь, как бы собеседница не обрушила на него потоки сведений, безусловно, интересных, но не имеющих никакого отношения к делу, которое послужило причиной его необычного

путешествия.

— Верно, терпение — удел старости, молодым свойственно безоглядно стремиться вперед, — согласилась женщина с немного печальной улыбкой. — Видите пятнышко посреди озера, на этом острове находится Дворец Тысячи Комнат. Он служит не для жилья и пустует почти все время кроме нескольких дней в году. Когда созвездия выстраиваются на небе определенным образом, во дворце проводятся исключительно важные обряды. Мы должны заручиться милостью богов на весь следующий год, ведь от этого зависит благополучие нашего государства, а также равновесие между добром и злом всюду, куда достигает солнечный свет… В такие дни жизнь снова возвращается в древние стены; весь двор переезжает туда и живет несколько дней до благополучного завершения того, что предписано древними обычаями. Никто и ничто не должно помешать происходящему там. Совершив то, что должно, все снова возвращаются сюда, в Розовый Сад, а дворец Тысячи Комнат остается на попечении нескольких хранителей… Но недавно в пустующем дворце поселилось зло. Вы должны изгнать его до наступления следующего новолуния иначе неисчислимые беды обрушатся на мир…

— Простите, что прерываю вас, многоуважаемая, — осторожно перебил Конан, в душе которого пробудились подозрения, не стал ли он жертвой обыкновенной подозрительности, к несчастью, поражающей многих, доживших до столь преклонных лет. — О какого рода зле вы говорите?

— О том, справиться с которым может только непобедимый воин, отмеченный самими богами. — Голос старой женщины обрел необычайную силу и звучность, казалось, он заполнил собой все пространство зала, отражаясь от его стен и потолка. — Тот, чья судьба исполнена удивительных и замечательных событий, тот, кому суждено испытать многое…

Конан попытался возразить, что по всей вероятности уважаемая заказчица перепутала его с каким-нибудь полубогом из легенды. Разумеется, он сделает то, о чем его просят, но он не обладает теми способностями, которые ему приписывают. Но необычная женщина прервала его величественным жестом.

— Итак, я вижу, вы согласны помочь нам. Не позднее ближайшего новолуния дворец должен быть готов для церемоний, а пока что прошу вас быть моим гостем. Вам покажут ваши покои.

Варвар невольно обернулся в том направлении, куда указала рукой удивительная женщина. Там медленно открывались двери и несколько слуг почтительно кланялись ему. Обернувшись, чтобы отдать прощальный поклон, Конан с изумлением обнаружил, что зала снова пуста. Ни хозяйки, только что восседавшей в кресле из белого камня, ни карты из светящихся линий на крышке столика. Чтобы хоть немного восстановить присутствие духа, варвар проворчал себе под нос неразборчивую фразу насчет того, что все женщины независимо от возраста и сословия одинаково пренебрегают той простой истиной, что к серьезному делу надо готовиться заранее, а не суетится подобно тому, как угорелая кошка мечется в поисках двери.

* * *

Покои, которые отвели киммерийцу, были обставлены с поистине королевской роскошью. Воздав должное кровати под балдахином, на которой запросто могло бы уместиться пять человек не отличающиеся худобой и изящным сложением, а также изысканным яствам и ванне из белоснежного мрамора, наполненной водой, по поверхности которой плавало множество розовых лепестков, простодушный варвар начал думать, что в жизни аристократа имеются свои, весьма существенные достоинства.

Но сначала, едва двери из темного благоухающего дерева закрылись за ним, северянин внимательно обследовал комнаты, высматривая, не притаился ли в каком-нибудь углу какой-нибудь малоприятный сюрприз. Не то, чтобы он питал какие-либо подозрения или дело, в которое его вовлекли, не внушало ему доверия, просто он привык доверять исключительно тому, в чем удостоверился самолично. А незнакомые помещения, даже если они находятся в королевском дворце, доверия у него не вызывали.

Но никаких свидетельств коварства хозяев он не обнаружил. Необычайно чуткая интуиция, сравнимая разве что с инстинктами хищного зверя, тоже оставалась спокойной. Единственное, что открылось его внимательному взору, были дырочки для подглядывания, которые кто-то не в меру любопытный проделал в глазах устрашающего вида кракена, украшающего гобелен, висящий прямо напротив кровати.

Что ж, он способен ценить шутку и в свою очередь тоже не прочь пошутить… Все время, при всей кажущейся беспечности, варвар украдкой не спускал глаза с продырявленного гобелена подобно кошке, которая лениво прикрыв глаза, делает вид, что не замечает резвящихся рядом птичек. И вот ближе к вечеру, когда северянин лакомился сочными персиками, которые ему доставили в огромной корзине, сплетенной из тончайших позолоченных прутиков, его терпение было вознаграждено. Глаза морского чудовища, еще недавно представляющие собой черные провалы, вдруг обрели поразительное сходство с человеческими. Выплюнув косточку абрикоса, варвар метким щелчком направил ее прямо в неведомого шпиона, чтобы раз и навсегда лишить того желания подглядывать.

За гобеленом раздался жалобный вскрик, что-то тяжелое шлепнулось об пол. Желая посмотреть, кого настигло его справедливое возмездие, Конан заглянул за гобелен, но не увидел ничего кроме стены с двумя просверленными в ней дырочками. Стремительно выскочив в коридор, варвар увидел лишь темный силуэт, удаляющийся по замысловатой кривой. Жалость и угрызения совести не нарушили спокойствие киммерийца: он же не приглашал этого любопытного подглядывать за ним, пусть теперь пожинает плоды своего поступка.

* * *

Прошло полдня, а затем еще день, полный лени и безмятежного отдыха. На рассвете следующего дня, когда варвар уже начал думать, что дело, которое именовалось важным и срочным, разрешилось само собой, в дверь к нему вежливо постучали. Это оказался уже знакомый Конану Мохсендар, который всю дорогу донимал его рассказами о диковинных местных обычаях. Сегодня худенький низкорослый человечек, вид которого неизменно вызывал у северянина улыбку, был преисполнен необычайной серьезности. Волосы,

заплетенные во множество коротких косичек, были прижаты узким обручем из золотистого металла, отполированным до зеркального блеска. Такие же сверкающие пластины украшали его одежду.

— День настал, господин Конан! — торжественно произнес он, — сегодня мы отправимся и очистим священный дворец от зла!

— Почему это «мы»? — проворчал в ответ рассерженный варвар, — такого уговора не было; я делаю все один и не нуждаюсь в помощниках!

— Королева считает, что вам будет необходим проводник, которому известен безопасный путь через дворцовые покои и который не даст вам заблудиться…

— Вы что, и в самом деле думаете, что я способен заблудиться в каком-то так дворце? — голос Конана стал напоминать рычание пещерного саблезубого медведя, встречи с которым опасаются даже те, кто прожил всю жизнь в горах Киммерии.

— Это особенный дворец, — ответил тот, продолжая невозмутимо смотреть в лицо разгневанного северянина. — Лишь немногие посвящены в тайну расположения его покоев, не говоря о прочих постройках. Поверьте, я буду вам очень полезен, а мое присутствие и скромная помощь вовсе не умалят вашей славы.

— Так уж и быть, — снисходительно процедил северянин сквозь зубы, — отправимся туда вдвоем.

— Не совсем так: по приказу королевы нас будет сопровождать отряд дворцовой охраны. Неизвестно, с чем нам доведется встретиться; истории известно немало случаев, когда даже несравненных качеств героя, по праву носящего это имя, оказывалось недостаточно…

— Если это будут те, кто был с нами по пути сюда, то я, пожалуй, не против. В конце концов, помощники могут оказаться не лишними.

— Увы, славнейший господин Конан, те, кого вы изволили упомянуть, отправлены с другим получением. С нами пойдет десяток самых лучших дворцовых стражей. Таков приказ королевы и мы не вправе его ослушаться. Вы ведь не хотите, чтобы на меня обрушился ее гнев?

* * *

Большая низко сидящая на воде лодка бесшумно скользила по зеркальной глади озера. В лучах утреннего солнца озеро, берега которого поросли вековым лесом и вправду напоминало каплю росы, лежащую в чаше из нежной зелени или глаз, обрамленный пушистыми ресницами. Остров, к которому они направлялись, виднелся на горизонте лишь крохотным пятнышком.

Стражники в причудливых кожаных доспехах, украшенных золотыми пластинами с изображениями длиннохвостой черепахи, гребли, стараясь поднимать как можно меньше шума. Конан, устроившись на корме, поглядывал по сторонам с кажущейся беззаботностью и ленивой грацией хищного зверя. Он не тратил понапрасну силы на то, чтобы попытаться угадать, что приготовила ему судьба и чем обернется для него сегодняшний день. Самое главное известно и так: его ждет приключение, хорошая драка и не менее хорошее вознаграждение за сегодняшнюю прогулку. Может быть, там во дворце и красивые женщины

найдутся, как же без них? А нет — тоже невелика печаль: когда он вернется в Шадизар, то сумеет развлечься как следует.

Разумеется, от взгляда северянина не укрылось, что спутникам внушает нешуточный страх нечто, обитающее в глубинах озера. Но пока что все спокойно и к тому же некоторым свойственно приходить в ужас от вида собственной тени.

Мохсендар, присев рядом с киммерийцем на пушистой шкуре зингарского пардуса продолжал вполголоса рассказывать о том месте, куда они направлялись.

— Как вам, без сомнения, уже поведали, в этом дворце никто постоянно не живет; он никогда не служил резиденцией ни одному из монархов, восседавших на Лунном троне с самого начала времен. Тем не менее, каждая из коронованных особ, имеет там свои апартаменты. В покоях все заботливо сохраняется в том виде, как было при жизни хозяина. Мы верим, что на время ежегодных церемоний духи почивших монархов возвращаются в наш мир и обитают в своих апартаментах во Дворце Тысячи Комнат. Я содрогаюсь от мысли, что они вернутся и узнают, что обряды не могут состояться. Между нами говоря, многие из коронованных особ, ушедших на ту сторону великой реки, не отличались кротостью и добрым нравом…

— Вы можете просто сказать мне, что там стряслось? — непочтительно перебил его варвар, который начал чувствовать, что еще немного й он намертво увязнет в этой паутине вкрадчивых речей. Кроме того, он был все еще сердит на то, что его слишком поторопили, да еще и навязали в спутники каких-то безмозглых стражников, только и годных для того, чтобы изображать статуи у дверей в туалетную комнату.

— Ужасное чудовище проникло в священный дворец, — печально покачал головой Мохсендар, понизив голос до трагического шепота. — Придворные, посланные удостовериться, что все совершается согласно обычаям и подготовить дворец к ежегодным церемониям, бесследно исчезли. Нет, они не могли заблудиться; все с раннего детства состоят на придворной службе и знают Священный дворец лучше, чем расположение комнат в собственном доме. Слуги, почти все, были растерзаны и сожраны прямо в залах дворца. От королевского мага, который вознамерился навести порядок, остался лишь клочок мантии. Из нескольких отрядов стражи, посланных во дворец, не вернулся ни один человек. Единственный почтовый голубь, посланный самым первым отрядом, принес известие, что следы кровожадного чудовища обнаружены и что доблестные воины преследуют его. Но это послание оказалось единственным… О боги, церемонии должны начаться через несколько дней, а еще ничего не готово!

— Почему бы в таком случае не провести эти ваши церемонии где-нибудь в другом месте? — поинтересовался простодушный варвар. — Если нет золотой посуды — едят из глиняной! И почему вы все время шепчете?

— Сотворить все, что требуется вне стен дворца совершенно невозможно, господин Конан, совершенно невозможно. Помимо всех исключительно важных причин имеется особо значимая. В лазурном зале хранится бирюзовая корона, выточенная из одного куска. Как вам без сомнения известно, этот изумительный камень родился из костей умерших от любви. Бирюзовая корона когда-то была черепом лазурного единорога, который увидел прекрасную Арброзию… Все эти дни корону должен носить старший из представителей королевского дома. Это своего рода благословение и ниспослание мудрости в государственных делах на весь год.

— Да что вы шипите как заморанский уж на змеиной свадьбе? — возвысил голос

северянин, который продолжал пребывать не в самом лучшем расположении духа.

— Умоляю вас, тише! Воды этого озера таят в себе немало опасностей. После гибели королевского мага никто не может усмирить созданий, обитающих в его глубине и не позволяющих приблизиться к острову никому, кто бы не владел особым секретом.

— Подождите, вы хотите сказать, что мы плывем на свой страх и риск?

— Увы, это так, а еще уповая на милость богов. Совершенно верно, мы в большой опасности, но государственные интересы значат гораздо больше, чем жизнь кого-то из нас. Что же касается вас, господин Конан, то вознаграждение должно послужить для вас достаточным доводом, чтобы идти на некоторый риск… Будем надеяться, что нам удастся проплыть, не потревожив Живую Нить. Это поистине ужасное существо, созданное магией, от него никто еще не смог спастись… О боги, нет!

Не успел он договорить, как из прозрачной глубины в облаках брызг взметнулось нечто напоминающее веревку. Но эта веревка в отличие от всех прочих была оснащена множеством мелких без сомнения острых коготков и отвратительных ярко-алых присосок. Тугая петля моментально обхватила плечи одного из стражей и рванула его прочь. Его соседи, которые схватили своего товарища, удерживая его в лодке, не намного помогли; острые коготки впились в тело несчастного, а присоски начали свою омерзительную работу. Короткие причудливо изогнутые мечи, одним из которых на глазах Конана незадолго до того перерубили шелковый платок, плавающий по поверхности дворцового прудика, не могли причинить кошмарному пришельцу никакого вреда.

Варвар молниеносно выхватил меч, все время путешествия праздно пролежавший в ножнах и одним прыжком преодолел расстояние в несколько шагов. Оружие, выкованное из стали древних атлантов, за несколько мгновений превратило кровожадную веревку во множество отчаянно извивающихся обрубков.

Едва путешественники с облегчением вздохнули, как с другой стороны лодки начало подниматься что-то похожее на громадный клубок тины. Правда, с небольшой разницей — у этого клубка имелось множество круглых выпученных глаз, с ненавистью взирающих на людей и широкая пасть с зубами, похожими на изогнутые иглы. Под взглядом непонятного существа все тут же замерли, не чувствуя себя в силах даже пошевелиться. Все, но только не Конан, которому за свою жизнь случалось бывать и в более опасных переделках. Не теряя времени, он схватил одного из стражей и подставил под солнечные лучи золотую пластину, нашитую спереди на его доспехи. Луч отразился от полированной поверхности, упал на подводное чудовище и сразу же на месте одного из его глаз задымилась глубокая дыра. С пронзительным визгом, от которого у всех присутствующих заложило уши, чудовище скрылось в озере.

Дальнейший путь к острову прошел благополучно и путешественники уже начали надеяться, что самые большие опасности остались позади. Но когда лодка оказалась на прибрежном мелководье и до берега, казалось, было подать рукой, прямо под самым днищем что-то зашевелилось. Из воды поднялось множество тоненьких стебельков, которые, стремительно удлиняясь, начали проворно оплетать лодку и всех, кто там находился. Острое железо с легкостью могло с ними справиться, но на месте каждого срезанного стебелька тут же вырастало не менее десятка. Стражи, в панике выпрыгнувшие за борт, отчаянно крича, барахтались, пытаясь выбраться из живой сети, которая тянула их под воду, прижимая к самому дну. Лишь двое сохранили присутствие духа — Конан и придворный советник Мохсендар. Не сговариваясь, они одновременно поставили под солнечные лучи один —

полированную золотую пластинку, другой — один из валявшихся в лодке щитов и сделали так, чтобы светящееся пятно упало в самую гущу оживших водорослей. От хищных растений повалили клубы бледно-зеленого пара и часть из них завяла, превратившись в подобие грязно-коричневой губки, безвольно колыхающейся на поверхности воды. Те из стебельков, которых не коснулся губительный огонь, попрятались под воду так же неожиданно, как и появились.

* * *

Не успев ступить за дворцовые ворота, отряд уже уменьшился на одного человека. Стражник, дольше остальных побывавший в смертельных объятиях Живой Нити, не дотянул даже до берега. Жизнь покинула его, когда все пытались справиться с беснующимися водорослями. Стражи делали все возможное, чтобы не смотреть на то, что осталось от их товарища. То, что еще недавно было молодым полным сил мужчиной, стало уродливым подобием раздутого винного бурдюка. Несчастного завалили камнями и оставили на морском берегу, клятвенно пообещав вернуться и устроить ему достойное погребение.

Парадные ворота оказались заперты, поэтому Мохсендар повел отряд вдоль береговой линии и вскоре они оказались перед низенькой дверцей, еле заметной в толще стены. На двери не было ни ручки, ни замочной скважины, но стоило Мохсендару приложить к гладкой черной поверхности золотую пластинку, висевшую у него на груди, как гладкая каменная пластина медленно отъехала в сторону.

Более необычного сада Конану еще не случалось видеть. Там были прекрасные цветущие деревья, клумбы и тщательно ухоженные лужайки. Через крохотный прудик был перекинут ажурный мост, который пересекал водоем не прямо, а причудливым зигзагом, образуя несколько поворотов. На каждом повороте стояла изящная беседка, поместиться в которой смог бы лишь ребенок, которому исполнилось не более года.

В отличие от всех прочих садов, этот был разделен насыпями, наверху каждой находилась выложенная разноцветными камнями дорожка. Будь Конан один, он бы долго терялся в догадках, для чего понадобилось превращать сад в подобие загона для домашней скотины.

Мохсендар сделал несколько шагов вдоль стены, уверенно свернул в сторону, раздвинув кусты, покрытые желтоватыми цветами с одуряющее-сладким ароматом, и молча указал на узкую лестницу, проделанную в толще одной из насыпей.

Поднявшись на дорожку, северянин поразился, насколько другим увидел он теперь место, которое он только что покинул. Деревья, которые возвышались теперь лишь наполовину своего роста, казались аккуратными кустарниками, цветы на клумбах сложились в узор подобный тому, который можно видеть на коврах, сотканных иранистанскими мастерицами, прудик чудесным образом превратился в силуэт летящей птицы.

— Этот сад — произведение великого мастера, равных которому нет и не будет, — продолжал нашептывать киммерийцу на ухо Мохсендар. Сорок три дня провел он на верхушке дерева, стоящего на вершине самой высокой горы королевства, обдумывая свой замысел. После этого он уединился в своих апартаментах и никто, включая особ королевской

крови, не имел права тревожить его. Слуги ставили под дверь его комнаты подносы с едой и кхитайскими благовониями, аромат которых пробуждает фантазию. Когда сад был готов, король Ясин Шестой спросил, может ли он создать что-нибудь прекраснее, чем этот сад. Да, — сказал мастер, я чувствую в себе силы создать множество прекрасных садов, которые украсят мир. Хорошо, — сказал король, я желаю оказать тебе особую честь, прими это кольцо из моих рук… Амальгарус, так звали мастера садов, умер вечером того же дня, сраженный неведомой болезнью. Его величество Ясин Шестой не мог потерпеть, чтобы кто-то другой владел чем-то лучше того, что принадлежит ему…

— Скажите-ка мне лучше, есть ли здесь ловушки от непрошенных гостей или они расставлены только во дворце? — снова невежливо перебил его варвар. — Что-то все слишком легко у нас получается.

— Разумеется, есть, бесстрашный господин Конан, на каждом шагу, — ответил ему Мохсендар, чуть изогнув губы в придворной улыбке. — Мы как раз миновали одну из них. А теперь прошу вас пропустить меня вперед. Да, так и есть… Внимательно смотрите, на какие камни я наступаю, и ступайте точно по моим следам.

Конан при всей своей неистовой храбрости был вовсе не из тех, кто находит удовольствие в том, чтобы бездумно рисковать жизнью. Этот человек знает, о чем говорит, почему бы не послушать разумного совета? Поэтому могучий северянин выполнил требуемое с грацией снежного барса, обитающего в горах Северной Киммерии, ни разу не сбившись и наступая точно на нужный камушек, каким бы маленьким тот ни оказался.

Стражи последовали его примеру; все, кроме последнего, который нечаянно споткнулся и наступил не на желтую треугольную плитку, а немного рядом. В тот же миг целый кусок насыпи перевернулся как неплотно положенная крышка котла и отъехал в сторону. Не успев даже крикнуть, злосчастный юноша рухнул в яму, из которой торчали острые железные колья. Зоркие глаза варвара различили груду костей, виднеющуюся в самом низу. Участок тропинки вернулся на свое место, скрыв от глаз путешественников ужасное зрелище. Благородный варвар рванулся, было туда, но советник почтительно, но довольно настойчиво удержал его.

— Ему уже не помочь, бесстрашный господин Конан: колья намазаны ядом змеиного дерева. Чтобы человека настигла мгновенная смерть, достаточно лишь небольшой царапины… Надеюсь, теперь вы не жалеете, что позволили мне сопровождать вас?

* * *

Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, когда они достигли, наконец, дворцовой лестницы. Ступени ее, казалось, были предназначены для великанов; даже Конана, который намного превосходил большинство людей ростом и телосложением, неожиданно посетили воспоминания из раннего детства. Он в отцовском доме, старается залезть на широкую лавку, сколоченную еще прадедом. Отец смотрит на него, но не торопится подсадить и жестом останавливает мать… Он становится на цыпочки, чтобы заглянуть, что лежит на столе…

Спутники Конана с большим трудом преодолевали ступеньку за ступенькой. То, что

представляло собой трудность для него, для малорослых уроженцев Края Медного Нарцисса оказалось почти что непосильной задачей. Стражи подсаживали друг друга, карабкались друг другу на спины как дети, которые вознамерились проникнуть в соседский сад.

— Эта лестница построена для всадников, — пояснил северянину Мохсендар, которого тот легко переставил на ступеньку выше. — Прадед его величества, которого боги не отметили высоким ростом и крепким здоровьем, предпочитал большую часть времени проводить в седле. Он возжелал даже во дворце пользоваться исключительно таким способом передвижения, но его августейшая супруга воспротивилась и его величеству пришлось довольствоваться парадными носилками.

— Неужели нет более удобного пути? — недовольно поинтересовался варвар. — Не можем же мы копаться тут целый день.

— Мне известны четыре потайных хода, — ответил ему советник, преодолевая еще одну ступеньку. — Сколько их на самом деле, не знает никто. Дело в том, что мне неизвестно, какие сюрпризы могут поджидать там непрошенных гостей. Даже мне, выросшему в Священном дворце, не могут быть ведомы все его тайны.

Конан немного удивился когда, вместо того, чтобы войти в одну из гостеприимно распахнутых створок двери, они свернули в сторону.

— Самый короткий путь далеко не всегда является самым верным, — важно произнес Мохсендар. Мы войдем с другой стороны, через Ползающие Дворы… и да помогут нам боги!

Объяснения были излишни: пройдя мимо парадного входя, откуда, несмотря на жаркую летнюю погоду, тянуло холодом и сыростью, Конан ощутил, как из темноты на него веет ужасом, способным заледенить кровь даже самого храброго человека. В дворцовом вестибюле находилось нечто такое, встречи с Чем лучше избежать. Тем более что это было вовсе не то зло, о котором упоминала высокородная заказчица и о котором так настойчиво напоминал не в меру болтливый советник.

— Охранный дух, созданный одним из величайших магов прошлого, вышел из повиновения, — снова пояснил вполголоса советник. — Он не может покинуть это помещение, но уничтожит всякого, кто будет настолько безрассуден, чтобы войти туда. Неважно кто будет перед ним — слуга, стражник или особа королевской крови. Поэтому на заседании Королевского совета было решено оставить все как есть. С той стороны дверь в вестибюль заложена особым заговоренным камнем…

— Лучше расскажите мне, о каких еще ползающих дворах вы упоминали? — перебил его Конан, от всей души сожалея, что не может встретиться с магом, который нагородил вокруг дворца все эти смертоносные головоломки. Воспитанные с детства взгляды уроженца Северной Киммерии и опыт самого знаменитого вора Шадизара пробудили в нем сильнейший гнев против подобного коварства. Но что толку обращать свой гнев против того, кто умер много лет назад? Поэтому Конан благоразумно предпочел вслушиваться в восторженные речи своего проводника. Мохсендар восхищался Священным дворцом так, будто тот был построен специально для него или как будто все начиняющие его загадки и ловушки были плодом его разума.

— Ползающие дворы были построены очень давно, при Наимасане Разумном, — охотно откликнулся собеседник. — Это своего рода символ вечного движения и обновления мира. Мудрецы древности считали, что те, кто проведет некоторое время в подобном месте, преисполнится вселенской гармонии… Только они могут не отпустить нас, пока сами не захотят! — закончил он с некоторым страхом. — Ползающие дворы обладают собственным

разумом; если они сочтут, что нашим душам недостает единения с вселенской гармонией… Сейчас вы все увидите своими глазами… только бы они сегодня не захотели загадывать нам свои загадки!

Тем временем путешественники приблизились к довольно высокому забору, сделанному из аккуратно связанных между собой стеблей тростника. Пройдя в низкую калитку, они оказались в небольшом пространстве, огороженном забором со всех сторон. Здесь ничего не было — только серая пыльная земля, на которой для чего-то провели множество волнистых линий, каждая из которых повторяла узор другой, немного его сглаживая. Напротив виднелся проход, через который они попали в следующий двор, потом еще в один… Дворы были похожи между собой, даже примерно одинаковой величины, но в то же время в каждом было что-то, отличающее его от всех прочих. Посреди одного лежало несколько круглых желтоватых камней, похожих на головы великанов, в углу другого виднелся крохотный прудик.

Вскоре всем начало казаться, что они провели в этом странном месте, по меньшей мере, несколько лет и проведут здесь всю оставшуюся жизнь. Когда один из стражей случайно наткнулся на мелкую монету, которую выронил несколько дворов назад, путешественники заметно пали духом.

Они устроились на отдых в одном из дворов, посреди которого стояла арка из ослепительно-белого резного камня. Мохсендар, устроившись поодаль, принялся что-то чертить на земле. Бесшумно приблизившись, Конан увидел перед собой не что иное, как план какого-то помещения.

Занимаясь ремеслом охотника за ценностями, он навидался таких рисунков более чем достаточно. Знания, полученные в городе воров, а также необычайно острая интуиция и варварская хитрость подсказали киммерийцу то, что с его точки зрения было более чем очевидно.

— Вот здесь должна быть дверь. — И, протянув руку через плечо испуганно подпрыгнувшего советника, Конан стер пальцем кусочек одной из линий. — Это что за план, дворцовые покои?

— Нет, — ответил Мохсендар, с трудом оправившись от испуга. — Я пытаюсь воспроизвести по памяти расположение Ползающих Дворов. Хотя я прекрасно понимаю, что любые попытки обречены на неудачу: дворы изменяются по своему усмотрению подобно облакам в ветреный день… Дверь? Мы только что миновали этот двор, там находился пустующий постамент с надписью «идеальный человек» на одном из древних офирских диалектов. Но там не было иных проходов кроме тех, двух, которыми мы воспользовались.

— Сейчас посмотрим, — улыбнулся ему Конан. — А если прохода и вправду там не окажется — сделаем его сами!

— Как можно, господин Конан, — забормотал вконец перепуганный советник. — Гнев богов падет на наши головы…

— Главное — цель, а цель у нас священная, — повторил хитроумный северянин случайно услышанные слова одного странствующего жреца.

Хитрость возымела действие и отряд вернулся во двор, где должна была отыскаться нужная дверь. Правда, то дороге туда, им пришлось пересечь только три неправильных прямоугольника, огороженных тростниковым забором, теперь же они миновали шесть. Откуда появилось еще три двора, так и осталось загадкой.

Внимательно осмотрев нужную стену, варвар заметил, что на одном ее участке веревка,

связывающая высохшие желтоватые стебли, немного отличалась по цвету и была менее истрепанной, чем та, которая удерживала тростник на остальном пространстве стены… Не тратя времени на лишние разговоры, Конан уперся в стену плечом. Несколько пучков тростника тотчас же вывалились на ту сторону, открыв изумленным взорам уже начавшим терять надежду путешественников дорогу, ведущую прямо к дворцу. Небрежно пожав могучими плечами в ответ на хор восторженных голосов, северянин направился вперед по шестиугольным бледно-зеленым плиткам. Когда последний из стражей выбрался из пролома и они отошли от коварных дворов на довольно большое расстояние, любознательный варвар уступил внезапно возникшему желанию и оглянулся назад. Ограда снова была целой; от дыры, через которую они только что пролезли, не осталось и следа.

* * *

Через одну из дверей, предназначенных для прислуги, они попали сперва в коридорчик, завешанный гобеленами, а затем в один из залов анфилады первого этажа. Несмотря на то, что снаружи царил нестерпимый зной, здесь было прохладно как в глубоком подземелье. Окна, забранные ажурными решетками, искусно выточенными из светлого камня, не позволяли солнцу проникнуть вовнутрь. Время от времени по залам со звуком, напоминающим еле различимый шепот множества голосов, проносился холодный сквозняк, заставляя шевелиться занавески, колыхаться драпировки на стенах и сжиматься сердца путешественников от неясных, но весьма недобрых предчувствий.

Конан в отличие от остальных, не отвлекался на подобные пустяки, хотя он, как и все прочие, напряженно вглядывался и вслушивался, готовый встретить любую опасность. Но ничего, что было бы воспринято им как сигнал тревоги, северянин не ощутил; магией здесь тоже не пахло. Небрежно окинув взглядом интерьер дворцовых покоев, варвар мысленно отметил следы некоторого запустения. То тут, то там на поверхности драгоценной мебели или на крышке мозаичного столика можно было увидеть легкий налет пыли, рамы картин и длинного узкого зеркала носили на себе следы сырости, цветы в расписной кхитайской вазе бессильно повесили головки.

Советник на каждом шагу успешно подтверждал свою репутацию знатока Священного дворца. В первом из залов он нажал в одному ему известном порядке несколько кусочков мозаики на полу, в следующем повернул в другую сторону хвост собаки из барельефа, изображающего сцену удачной охоты… Некоторые из ловушек Конан успевал заметить за несколько мгновений до того, как Мохсендар подходил к ним, чтобы привести их в бездействие, некоторые даже для него были в новинку.

Сначала все шло гладко, пока в зале с витыми колоннам из матового зеленого камня не произошло нечто неожиданное. Не успели они ступить на мозаичный паркет солнечного дерева, как стрела в несколько раз длиннее и тяжелее обычной со свистом выскочила из потайного отверстия и пригвоздила к стене самого молодого из стражей, который немного выдвинулся вперед, пытаясь разглядеть портрет темнокожей женщины, висевший напротив входа. Механизм, которым не пользовались более ста лет, сработал по совершенно непонятной причине. Нет, следов колдовства здесь не ощущалось, зато присутствовал

явственный запах мускуса, но не такого, каким пользуются султанапурские красавицы, чтобы завоевать сердце мужчины, а совсем другой, с пряным горьковатым оттенком дикого зверя…

* * *

Еще двоих отряд стражей потерял на втором этаже, в зале, который известен под названием зала двух сестер. Вездесущий советник успел рассказать Конану, что такое название было дано в честь двух принцесс, которые прервали нить жизни друг друга, не поделив между собой сердце юноши, вероломно испытывающего склонность к ним обеим. Черная и белая плиты, виднеющиеся на полу по обе стороны от широкой полосы, украшенной мозаичным изображением офирского чертополоха, — пояснил Мохсендар, — символизируют сестер, не пожелавших помириться даже после смерти.

Ничего не предвещало опасности, но, стоило одному из стражей ступить на узорную мозаичную полоску, проходящую вдоль всего зала, как принцессы поступили на удивление дружно. Распавшись на две части, полоска ушла из под ног юноши, открыв зловещий провал. Каменные квадратики, которыми был выложен пол в центральной части зала, вдруг встали дыбом подобно торосам на северной реке, когда холод снова вступает в свои права после небольшой оттепели. Страж рухнул, было, вниз, но успел схватиться за край и повис на нем, умоляюще глядя на остальных.

Второй бросился выручать его, но одна из плит под ним покачнулась и тот рухнул прямо на своего товарища, увлекая его вниз и падая следом за ним. Крики их замерли глубоко внизу.

— Нет, этого не может быть, — прошептал Мохсендар, становясь белее офирского мрамора. — Эти ловушки не работают; я сам, своими глазами видел, как их остановили навсегда.

Но это был еще не конец. Голова стоящей напротив входа статуи, изображающей молодую женщину с зеркалом, начала медленно поворачиваться, пока не застыла в немыслимом для' живого человека положении.

Все замерли, пораженные жутким зрелищем, но тут Конан, слух которого был во много раз более чутким, чем у любого другого человека, удивленно поднял голову к потолку. На них медленно и неотвратимо спускался потолок. Точнее говоря, только центральная его плита, но и этого было бы достаточно, чтобы прихлопнуть их всех как усатых красных жуков, которые отчего-то любят селиться всюду, где живут люди.

Не раздумывая, северянин сгреб в охапку тщедушного советника и одним могучим прыжком одолел расстояние до входа в следующую комнату. Двери из светлого дерева, обильно украшенного позолотой, по всей вероятности, были заперты, но даже они не смогли устоять перед яростным напором варвара. Одна из створок распахнулась, демонстрируя выломанный замок, другая жалобно повисла на одной петле. Оставшиеся не замедлили последовать примеру северянина. Последний выскользнул наружу, проделав несколько шагов, согнувшись в три погибели. Как только в зале не осталось ни одного человечка, потолок, как ни в чем не бывало, вернулся на свое место, а голова статуи заняла подобающее ей положение.

— Ну и где это ваше зло, которое поело всех слуг и придворных? — поинтересовался

киммериец, осторожно ставя немного придушенного Мохсендара на пол после того, как они, наконец, остановились, вихрем проскочив несколько комнат. — Мы что, так и будем весь день возиться со сломанными ловушками от воров? На месте хозяина я бы велел выпороть того, кто отвечает за все эти механизмы. В доме любого захудалого купца и то больше порядка!

* * *

Отряд, состоящий теперь из пяти стражей, Конана и Мохсендара, упорно продвигался к месту, ведомому лишь одному советнику.

На первые свидетельства того, что проникшее во дворец чудовище не было плодом фантазии, они наткнулись, поднявшись по узкой винтовой лестнице. Комната, которая, по всей вероятности служила залом для малых приемов, приобрела на удивление отталкивающий вид. Стены из полированного белого камня были заляпаны бурыми потеками засохшей крови, а по всему помещению валялось то, что осталось от нескольких слуг. Щеточка для сметания пыли была все еще зажата в руке одного из них, валявшейся посреди ковра отдельно от всего остального.

Даже Конан, который поучаствовал во множестве сражений и был свидетелем множества гораздо более ужасных смертей, ощутил, нелепость того, что произошло здесь. Эти люди всего-навсего выполняли свою работу и, будь они даже отъявленными лентяями, они не заслужили такого ужасного конца. Хотя есть множество способов закончить жизнь гораздо более нелепым способом. Как, например, тот гладиатор родившийся в одном из Черных королевств. Победив множество более сильных и искусных противников, он поперхнулся куском мяса на трапезе, устроенной в его честь…

В коридорчике, неподалеку от лестницы, ведущей на узкую галерею, опоясывающую один из следующих залов, на полу одиноко стоял светильник, в котором давно выгорело все масло и ловушка для грызунов с нетронутой приманкой. Ее так и не успели донести до предназначенного ей места.

Ощущение опасности заметно усилилось и это уже чувствовал не только Конан. Но, сколько он ни вслушивался, он не смог различить звуки, которые неизменно сопровождают передвижение всякого живого существа — ни шагов, ни звука дыхания. И вместе с тем опасность была — она следовала за ними по пятам, ни на шаг не отставая и, казалось, следя из темных углов множеством внимательных глаз.

Покидая тронный зал одного из почивших императоров, путешественники обнаружили, что число стражей снова уменьшилось. Низенький толстяк, который, желая поднять настроение товарищам, шепотом сыпал анекдотами, более уместными в казарме наемников, чем во дворце, бесследно исчез. Вернувшись, они старательно обшарили каждый уголок, проверили каждую плитку пола, нет ли там коварно расположенного колодца, попытались отодвинуть каждую из деревянных панелей, не скрывается ли за ней потайной ход. Но страж как будто растворился в воздухе.

За одной из панелей неожиданно обнаружилась ниша. Там находился прикованный к задней стене скелет рослого мужчины. Давно умерший узник лежал на полу, вытянув руку по

направлению к тарелке драгоценного кхитайского фарфора, полной засохшей пищи. Расстояние между кончиками его пальцев и тарелкой было таким маленьким… Они задержались перед ним, шепча молитвы на незнакомом Конану языке и уже двинулись дальше, когда один из стражей, вероятно, желая проявить хотя бы запоздалое милосердие, ногой пододвинул тарелку, чтобы она оказалась рядом со скелетом.

В этот момент раздался не то стон, не то вздох, преисполненный нечеловеческой тоски. Вслед за этим Конан и его спутники ясно услышали, высокий мужской голос: «бойтесь розового коридора, это смерть»! Оглянувшись, они не обнаружили никого, кто мог бы произнести эти слова: они по-прежнему были единственными живыми людьми в этом дворце, полном опасных загадок. Одни, если не считать чудовища, уничтожить которое было необходимо до дня, предназначенного для церемонии.

— Что это еще за розовый коридор? — спросил Конан. — И чем он может быть так опасен?

Мохсендар вопреки своему обыкновению постарался уйти от прямого ответа. Зато он принялся в красках рассказывать историю гибели вельможи, нашедшего такой бесславный конец за стеной тронного зала. Конан, которого нелегко было сбить с толку, прервал рассказчика на самом интересном месте и потребовал сообщить, возможно ли проникнуть туда, куда они направляются как-нибудь по-другому, не через розовый коридор. Нет, никакая опасность не страшила его, но даже самая отчаянная безудержная храбрость не должна исключать присутствие здравого смысла. К тому же те, кого навязали ему в спутники, вряд ли стоят чего-нибудь как воины, несмотря на все навешанные на них металлические зеркала.

Но один из обходных путей оказался завален обломками рухнувшей лестницы, дверь, ведущая в другой, так и не открылась, несмотря на все усилия Конана, вооружившегося для этой цели довольно массивной бронзовой статуей.

Поэтому всем пришлось вернуться в малый тронный зал, а оттуда, миновав несколько личных королевских комнат, направиться в розовый коридор, куда идти им так настоятельно не советовали.

Бросив взгляд на узника в нише, Конан заметил, что скелет теперь лежит на спине, сложив руки в самой умиротворенной позе, а тарелка непонятным образом опустела. Северянин не стал обращать на это внимание своих спутников; нет нужды тревожить лишний раз тех, чьи нервы и так напряжены до предела.

Возобновив расспросы о коридоре, он добился очень немногого.

Один из королей, самолично создавших его, питал сильнейшее пристрастие к запретной магии. Только он один мог безо всякого риска для себя пользоваться этим коридором, но это было очень много лет назад, за это время колдовство, разумеется, уже выдохлось и к тому же это самый удобный путь к цели. Зато насчет ловушек для воров можно быть совершенно спокойным — там нет ни одной и никогда не было. Хозяин коридора испытывал сильнейшее отвращение к механизмам любого рода.

* * *

Казалось, они шли не по дворцовому коридору, а находились внутри одного из туннелей,

непонятно зачем прорытых в горах Северной Киммерии древним народом. Здесь не было ни одного окна и ни одного, самого крохотного светильника, но, тем не менее, на темноту невозможно было пожаловаться. Казалось, это светились сами стены, отделанные странным бледно-розовым веществом, не похожим ни на один из материалов, которыми обычно пользуются для отделки человеческого жилища. Стены были теплыми; казалось, стоит дотронуться до них — и ощутишь, как они дышат. Пол немного пружинил под ногами, вызывая у Конана неприятные воспоминания о том, как выглядит поле сражения на следующий день после битвы.

Осторожно ступая, они достигли уже почти середины коридора, как вдруг начальника отряда стражей, который замыкал шествие, обуяло неуместное любопытство. Желая узнать, из чего все-таки сделаны стены странного коридора, он остановился, и, невзирая на предостережения остальных, достал нож с длинным узким лезвием и провел им по стене. Бледно-розовый материал распался, как если бы это была живая плоть, из разреза капнула громадная капля белесой жидкости похожей на смолу фиолетового офирского мирта. Вслед за этим стены и пол под ногами вздрогнули, как будто судорога прошла по всему коридору. Путешественники с ужасом заметили, что расстояние между стенами резко уменьшилось и продолжало уменьшаться с ужасающей быстротой. Не теряя времени, все устремились к выходу, до которого было еще довольно далеко. На полу непонятно отчего выступила та же клейкая жидкость, что продолжала сочиться из пореза на стене. Люди изо всех сил торопились, в то же время чувствуя, что каждый шаг дается им все труднее и труднее. Еще немного и они увязнут здесь как насекомые, неосторожно севшие на середину цветка-ладони, который, если верить рассказчикам, растет на болотах Бритунии.

Вдруг стенки перед бегущими сомкнулись подобно створкам раковины, наглухо отрезая им путь к спасению. Не растерявшись, Конан выхватил меч и взмахнул им в одном из своих излюбленных движений. Мастер из Вендии, который когда-то учил гладиаторов боевому искусству, назвал это «осенний перелет птиц»… Стенка коридора с каким-то влажным чавканьем распалась, образуя дыру, достаточно широкую, чтобы через нее можно было выбраться на свободу. Весь коридор трясся как в болотной лихорадке, отверстие пульсировало, изо всех сил стараясь сжаться и закрыться вовсе, но благородный варвар изо всех сил держал его подобно одному из героев древности и не отпустил, пока Мохсендар и остальные его спутники не выбрались наружу.

Но, едва стенки сомкнулись, как из глубины коридора раздались жалобные крики. Это тот, чье любопытство послужило причиной всего этого ужаса, застрявший на расстоянии всего несколько локтей от остальных, умолял освободить его и клялся, что отныне он никогда… больше никогда… Но Стоило Конану снова попытаться освободить его тем же способом, как коридор, который снаружи был похож на исполинскую кишку, сжался и крики замолкли. Любопытный, которого после долгих усилий извлекли наружу, более всего походил на муху, спеленатую паутиной и оставленную пауком про запас. И жизни в нем осталось не больше чем в паучьих объедках.

Но предаваться печали, позабыв обо всем остальном, оказалось преждевременным; положение оставшихся было немногим лучше. Люди стояли, прижавшись к шершавой каменной стене в тесном узком пространстве, посреди которого изгибался и ходил ходуном розовый коридор подобно телу гигантского червя, нечаянно съевшего что-то ядовитое. Сияние его стенок постепенно меркло, становилось все темнее и темнее и страх помимо воли начал проникать в души тех, кто вовсе не считал себя трусами. Но Конан, который

видел в темноте не хуже снежного барса, не испытывал никакого беспокойства. Он приказал каждому схватиться за пояс идущего впереди, а Мохсендару взять за пояс его самого. Вслед за киммерийцем отряд начал осторожно продвигаться вдоль стенки. Через некоторое время путь им преградила еще одна стена, с которой соединялось то, что называлось розовым коридором. Велев остальным неподвижно стоять на месте, Конан извлек из своего мешка моток крепкой веревки и бесстрашно полез в узкое пространство между полом и изгибающейся трубой. Обвязав ее со всех сторон, Конан наглухо связал скользкую извивающуюся кишку и одним мощным движением оторвал ее от стены…Никто из спутников киммерийца не мог и предположить, что способен испытать такую радость от вида самой обыкновенной арки, ведущей в коридорчик, соединяющийся с парадным залом.

* * *

Но у самого входа в залу они вслед за Мохсендаром резко свернули направо, а потом вошли в крохотную неприметную дверь, расположенную в одной из ниш.

— Мы почти у цели, — сообщил, наконец, советник. Осталось совсем немного — через зал богов и великанов, а затем туда, где находится одно из величайших чудес света…

— А чудовище? — поинтересовался киммериец, который давно уже почуял неискренность в словах своего собеседника. А своей интуиции он привык доверять.

— Чудовище? Да, разумеется, именно за этим мы сейчас здесь. Только сначала нужно взять одну очень важную вещь. Без нее ничего не может состояться и, насколько мне известно, именно я решаю, каким путем нам следует идти.

Ни слова не говоря, варвар двинулся следом за ним. Устраивать ссору здесь, в заброшенном дворце, когда жизнь каждого из них и так в опасности — что может быть более неразумным? Ему нет никакого дела до всех этих дворцовых интриг, но горе тому, кто вздумает обмануть его и дело здесь вовсе не в деньгах… Он должен избавить обитателей дворца от некого опасного существа. Во что бы то ни стало, он сделает это и получит причитающееся ему золото. А если некоторые испытывают желание менять планы по несколько раз на день, это вовсе не его забота.

На пороге зала, роспись которого повествовала о произошедшей еще до начала времен битве, произошедшей между богами и великанами, вошедшие застыли, затаив дыхание как будто весь остальной мир для них перестал существовать. Разумеется, исключая Конана, которого даже во сне невозможно было застать врасплох..

Потолок зала представлял собой рушащийся каменный свод, через дыры которого врываются молнии, клубы дыма и порывы ураганного ветра. В самом большом проломе виднелась летучая колесница, которую везли прекрасные, едва одетые женщины. Стоящий на ней мужчина с лицом, исполненным благородного негодования, метал руками молнии в находившихся внизу.

То, что было нарисовано на стенах, впечатляло не меньше. Казалось, они были сложены из мощных каменных блоков, которые вот-вот должны разлететься под напором чудовищного вихря. Мускулистые гиганты — мужчины и женщины — лица которых были искажены гневом и отчаянием, изо всех сил удерживали готовые рухнуть своды и арки, подпирали

колонны, бессильно грозя кулаками вверх. Некоторые уже проваливались в подземное царство вместе с остатками своего убежища, продолжая выкрикивать что-то угрожающее.

«Да, славные были воины, — подумал Конан. — Вот что значит биться до последнего». Взглянув еще раз наверх, он мысленно отметил, что богини, везущие колесницу, вовсе не вызывают у него желания любоваться их красотой не говоря уже о большем. Война не женское занятие, к тому же нет никакой доблести победить того, кто во много раз уступает тебе в силе…

Услышав тихое едва различимое слухом обычного человека шуршание, варвар стремительно обернулся, отпрыгивая в сторону и выхватывая меч, но было уже поздно. Нечто, похожее на щупальце спрута-хамелеона, обитающего в глубинах моря Вилайет, в мгновение ока схватило стоявшего рядом с Конаном стража и потащило его по коридору. Тот бессильно колотил по полу руками и ногами, делал отчаянные усилия, чтобы схватиться за колонну или барельеф, но щупальце стремительно протаскивало его мимо. Конан бросился вперед, желая перерубить его, но меч только выбил искру, встретившись с каменным полом. Стремительная размытая тень добралась до глухой стены, которой заканчивался коридор, мелькнула наверх, чуть задержалась среди лепных украшений на карнизе… Не помня себя от ярости Конан хотел полезть вслед за похитителем прямо по гладкой стене, но к немалому его удивлению, советник остановил его.

— Не нужно, господин Конан, ему уже не поможешь, а мы пока что не выполнили главного и не можем задерживаться. Скоро зайдет солнце и тогда одним богам известно, что здесь может происходить. А самое печальное, что тогда у нас не будет возможности посоветоваться с зеркальным оракулом. Только он может нам сказать, куда следует идти в поисках… этой вещи.

Конан нахмурился; любезный собеседник падал в его мнении все больше и больше. Его подчиненного только что унесла и возможно уже сожрала неведомая тварь, а его это, судя по всему, ничуть не расстроило. Не желая устраивать ссору, варвар ограничился нарочито простодушным замечанием:

— Но вы же сказали, что выросли здесь и знаете расположение дворцовых покоев как свои пять пальцев.

— Именно так — иронично улыбнулся в ответ собеседник. — Но речь идет о совершенно особых комнатах. Не стану утруждать вас подробностями из области тонкой механики, но лишь зеркальный оракул может указать верный путь.

— Если мы точно знаем, что нужная вещь лежит в одной из комнат — заглянем в каждую и найдем ее в конце концов, — рассудительно заметил северянин. Сколько бы их ни было, все равно мы сможем заглянуть в каждую.

— Особенно если учесть их количество, — снова улыбнулся Мохсендар, — их столько же, сколько дней в году. К тому же не во все из них можно войти, не зная зеркального слова-ключа, которое может подсказать лишь оракул. Речь идет о колесе вращающихся комнат, но все это не так важно. Сперва нужно благополучно миновать зеркальную галерею. Каждое зеркало в ней может таить в себе опасность, — продолжил он, обращаясь уже ко всем. Они могут отражать как то, что существует на самом деле, так и ваши тайные страхи и желания, которые вы скрываете даже от самих себя. Зеркала имеют способность поднимать все самое скверное со дна человеческих душ… Тот, кто хоть на мгновение задержится перед одним из них, может пенять только на себя.

И не оборачиваясь, он быстро зашагал вперед. Бросив взгляд за окно, где солнце висело

уже почти над самой дворцовой стеной, Конан последовал за ним, сопровождаемый последними тремя стражами.

* * *

Убранство галереи также поражало роскошью. Длинные узкие зеркала красовались друг напротив друга в позолоченных резных рамах, между которыми плотно друг к другу висели многоцветные вышивки, которыми славятся мастерицы Иранистана и Султанапура. Потолок был искусно расписан цветочными гирляндами, которые соединяли находящиеся напротив друг друга зеркала подобно аркам в саду коринфской аристократки.

В дверях Конан жестом велел стражам идти впереди него. Он лучше остальных сможет встретить любую опасность, гораздо лучше этих растяп, которые из-за своей глупости гибнут один за другим.

Варвар мягко ступал по мозаичному полу, стараясь не упускать из вида все, что творится вокруг. Когда-то давно одна из его случайных подружек, черноволосая заклинательница химер долго объясняла любознательному северянину, что женщины от рождения наделены умением замечать все, что находится сбоку от них, не поворачивая головы. Это очень полезно, объясняла она, ведь только так можно отличить истинно существующее от того, что может оказаться всего-навсего иллюзией. Насчет того, что мужчины лишены возможности преуспеть в этом искусстве, она оказалась не совсем права, во всяком случае, в отношении Конана. Киммериец имел достаточно возможностей и причин овладеть этим умением, одинаково полезным и для гладиатора и для охотника за ценностями.

Некоторые зеркала, стоило украдкой взглянуть на них, в самом деле отличались от других — если остальные были всего-навсего стеклами, то эти казались дверями, ведущими в другой мир, бездной, в которую так и хочется заглянуть. В одних зеркалах северянин замечал свое отражение, в других мелькали картины, не имеющие ничего общего с тем, чему положено отражаться в обыкновенном зеркале. Впрочем, северянин предпочитал не всматриваться. Трусости не было места в его сердце, просто ко всему, что было создано при помощи колдовства, он испытывал сильнейшее отвращение.

Внезапно один из стражей, который был больше похож на девушку, ради шутки надевшую мужской костюм, застыл, глядя в зеркало, а потом с криком: «Предатель, ты все-таки сделал это!» выхватил кинжал и бросился на ничего не подозревающего товарища. Не успели остальные остановить безумца, как тот отправился вслед за своей жертвой. Последний оставшийся из всего отряда дворцовой стражи проделал весь путь до выхода из галереи закрыв глаза и крепко вцепившись в одежду Конана.

* * *

Пройдя через несколько залов, гостиных и комнат для малых приемов, они

остановились на пороге небольшой, по меркам дворца, комнаты, стены и потолок которой были обшиты темным резным деревом. Взглянув на них, Конан почувствовал, что не испытывает никакой симпатии к хозяину покоев, кем бы он ни был. Тонкая искусная резьба изображала не обычный для дворцового помещения орнамент из цветов и фруктов, не охотничьи или даже любовные сцены. Отовсюду на него угрожающе смотрели, косились, скалились разнообразные существа, один вид которых должен вызвать страх и отвращение у любого, кто руководствуется разумом и здравым смыслом. Миниатюрные горгульи взирали на вошедших как бы размышляя, что бы такого с ними такого сотворить, существа, обладающие телом женщины и омерзительными ни на что не похожими головами, угрожающе растопыривали крылья, увенчанные длинными острыми когтями. Здесь был гигантский кракен, который заглатывал стоящих перед ним людей одного за другим, причем, остальные почтительно склонившись, ждали своей очереди. Рядом виднелось изображение молодого мужчины, поражающее красотой и совершенными пропорциями. Гармонию разрушал лишь рог, который рос у него прямо из середины лба. Ближе к громадной кровати под выцветшим шелковым балдахином, которая составляла единственный предмет мебели, во всю стену красовалась сцена отвратительной оргии, исполняемой теми же отвратительными существами.

Чутье подсказало варвару, что не следует безрассудно идти вперед, позабыв о всякой осторожности. Удержав любопытного стража, он присел на корточки и принялся внимательно вглядываться в немного потускневший пол из узорных квадратиков. Примерно то же самое испытывает обычно путник, остановившийся на краю бездонной трясины. Будь я один, — размышлял про себя киммериец, — было бы гораздо удобнее и безопаснее пересечь эти покои, перелезая по стенам и ни в коем случае не ступая на пол. Хотя, нет, стены здесь также не внушают доверия. А что скажет об этом знаток и страстный любитель дворцовой архитектуры?

— Покои королевы Северины, — прошептал Мохсендар, печально опустив глаза, — одно из самых опасных мест во всем дворце. Единственный путь к зеркальному оракулу лежит через них. Каждый год перед началом церемоний придворному магу удавалось задобрить дух королевы и она милостиво позволяла проследовать через ее личные комнаты. Но после его гибели такое вряд ли возможно. Не так легко найти замену: никто из тех, кто достаточно сведущ в магическом искусстве, не откликнулся на приглашение королевского двора. Лишь один взял на себя труд прислать ответное письмо, но лишь для того, чтобы в достаточно непочтительной форме сообщить, что считает службу при дворе столь небольшого государства недостаточно почетной для себя, а оплату — недостаточно высокой…

— А что требуется, чтобы задобрить покойную королеву? — деловито поинтересовался Конан, заметив про себя, что уж с женщиной-то он всегда сможет договориться, особенно если она окажется к тому же молода и красива.

Как бы угадав его мысли, Мохсендар спокойно ответил, как если бы речь шла о самых обыкновенных вещах:

— Ей нужны мужчины — молодые, полные сил и достаточно привлекательные с виду. Сюда, в парадную спальню, много лет подряд приводили преступников, осужденных на смерть. Наивные, они полагали, что смогут выжить или что переход в иной мир будет для них более легким и приятным чем при… обычных способах. Утром на этой кровати находили лишь безжизненную мумию; это служило знаком, что на время необходимое для церемоний путь свободен. Те же, кто пытался проникнуть сюда без позволения, бесследно

исчезали, так же как многие, кто пользовался расположением королевы при ее жизни…

— Значит, ловушки и прочие сюрпризы, — задумчиво произнес Конан. — Но вам все это должно быть известно?

— Все, что может ожидать в этих апартаментах непрошенного гостя, известно лишь самой королеве Северине. К несчастью даже ее наследник, принц Хольдерам, не смог обнаружить никаких записей, касающихся внутреннего устройства покоев. Все, кто принимал участие в их обустройстве, разумеется, сразу же после этого умерли. Сохранились лишь обрывочные рассказы старых слуг, которым удавалось что-то случайно узнать.

Тот, кто лишался расположения королевы, на следующее утро, мог запросто провалиться в бездонный колодец, который внезапно разверзался под его ногами, мог быть раздавлен опускающимся потолком вроде того, который мы уже… наблюдали. Несчастный мог заснуть на королевском ложе, уверенный, что у него впереди жизнь полная удовольствий. Незадолго до рассвета на него опускался тяжелый балдахин…

Те же, интерес к кому еще не угас, не могли по своей воле покинуть эти покои. Один гладиатор из глупого упрямства не пожелал делить ложе с королевой Севериной, даже после того, как она купила его. Рассказывают, что оставшуюся часть жизни он провел в клетке, поставленной в одной из задних комнат в обществе таких же несчастных. Подробности, которые мне довелось услышать позднее, чересчур ужасны и отвратительны, чтобы подробно останавливаться на них.

После ее смерти, которая наступила в весьма почтенном возрасте из-за чрезмерного пристрастия к… удовольствиям, покои королевы содержались в порядке, как и все прочие апартаменты покойных королей. Первое время она кое-как мирилась с тем, что в ее личные комнаты кто-то заходит. Но после того, как один из слуг позволил себе неслыханную дерзость, присев на ее кровать, она оставила довольно красноречивое послание… Ее величество Северина умерла задолго до моего появления на свет, но в старых летописях говорится, что она была прекраснее весеннего дня и развратнее самой распущенной девки.

— Неужели развратнее? — раздался насмешливый женский голос.

Испуганно обернувшись, путешественники увидели, что в комнате они больше не одни. Посреди кровати, которая мгновение назад была совершенно пустой, на покрытых пылью шелковых покрывалах, полулежала женщина, казалось, только перешагнувшая порог молодости и неспешно приближающаяся к расцвету жизненных сил и красоты. Вид ее поражал удивительной гармонией: даже мраморные статуи, украшающие лестницу храма богини красоты в столице Гипербореи казались бы рядом с ней жалкими замухрышками. Волосы цвета старого золота, удивительно яркие голубые глаза и рот, уголки которого поднимались вверх подобно рогам туранского лука, приковывали взгляд, вызывая желание любоваться ими всю оставшуюся жизнь и несколько последующих.

Под полупрозрачным пеньюаром цвета закатного неба над Рабирийскими горами угадывалась фигура, соблазнительнее которой Конану не случалось видеть ни у одной из танцовщиц и ни у одной из обитательниц веселых домов. Хотя варвар, посетивший предостаточно заведений такого рода, считал, что обладает достаточным опытом во всем, что касается женской красоты.

Но странная женщина отличалась от всех виденных Конаном не только поистине божественной красотой. Взгляд ее вызывал трепет и причиной тому было вовсе не восхищение. Хозяйка покоев смотрела на застывших перед ней мужчин даже не так, как ребенок смотрит на игрушки, которыми жаждет обладать, даже не как покупатель на рынке

рабов. Холодный оценивающий взгляд более всего походил на взгляд повара, разглядывающего лежащие перед ним куски мяса и прикидывающего, какое блюдо из них лучше всего приготовить.

— Так что же вам понадобилось в покоях ужасной и развратной королевы? И кто вы такие, что осмелились побеспокоить меня? — снова заговорила женщина, соблазнительно изогнувшись на своем ложе, нимало не заботясь, что ее пеньюар распахнулся, открывая взгляду гораздо больше, нежели позволено приличиями.

— Прошу простить нас, ваше величество, — проворно склонился в церемонном поклоне Мохсендар, побуждая спутников последовать его примеру.

Страж — рослый хорошо сложенный юноша — опустился на одно колено, густо покраснев и опустив глаза; Конан изобразил самый вежливый поклон, на какой был способен.

— Говори — милостиво разрешила королева, во взгляде которой зажглось неприкрытое вожделение, а голос стал удивительно мелодичным, 'завораживающим подобно флейте бродячего заклинателя. — Ну, смелее же, не заставляй меня ждать.

— Я имею честь состоять при дворе, ваше величество, — заговорил Мохсендар, речь которого журчала подобно спокойной реке в безветренный день. — Мне поручено подготовить апартаменты Священного дворца для ежегодных церемоний. Как известно вашему величеству, они должны состояться в ближайшее новолуние…

— Ну и что из этого? — томно спросила королева, играя рукой безупречной формы и белизны. Лучи заходящего солнца играли на ее ногтях покрытых лаком цвета запекшейся крови.

— Осмелюсь напомнить вашему величеству, что для этого нам необходимо получить ответ зеркального оракула. Мы смиренно просим вас о разрешении пройти через ваши покои.

— Мои покои? Кстати, почему они содержатся в таком небрежении? Где слуги, которые должны заботиться о чистоте?

— Они… неожиданно умерли, ваше величество. Как только церемонии завершатся…

— Что? Вы хотите сказать, что я еще несколько дней должна провести в такой грязи? И вы называете это службой при дворе? Я могла бы заставить вас самих вылизать здесь каждый уголок, но вижу, что в качестве уборщиков от вас будет мало толка. Так и быть, я подожду еще несколько дней и даже позволю вам пройти к зеркальному оракулу. Надеюсь, вы помните, какая плата за это положена?

— Да, ваше величество, разумеется, помню, — еле слышно прошептал Мохсендар.

— Можешь не беспокоиться за себя, — ответила зловещая красавица с легким презрением в голосе. — Меня никогда не привлекали худосочные и чересчур болтливые мужчины.

Взгляд королевы задержался на Конане. Северянин с удивлением понял, что эта прекрасная женщина вызывает у него примерно те же чувства, что когда-то вызывали противники на гладиаторской арене. Желание помериться силами, выяснить, кому из двоих нынче предстоит умереть — и ничего более.

— Нет, что-то мне сегодня не хочется возиться с неотесанным строптивцем, хотя потом это, возможно, меня и развлечет, — продолжала рассуждать хозяйка покоев, как будто забыв о том, что ее собеседники тоже наделены слухом. — Вот он! — Палец с длинным острым ногтем указал на стража, который от ужаса едва не осел на пол. — Да, этот юноша будет

платой за то, чтобы вы беспрепятственно добрались до зеркального оракула и вернулись обратно.

Лицо молодого человека перекосилось, как если бы он собирался заплакать. Он рухнул на колени перед Мохсендаром, умоляя не обрекать его на гибель, что-то взахлеб рассказывая о невесте, пожилых родителях, дальнем родстве, в котором он состоит с достопочтенным господином советником. Но тот, ни слова не говоря, развернул перепуганного юношу и с силой втолкнул его в комнату.

Проскользнув почти на середину помещения по гладкому полу, страж вскочил на ноги и хотел рвануться назад. Но, с ужасом взглянув на несколько рядов узорных квадратиков, отделяющие его от спасительного порога, внезапно остановился и умоляюще протянул руки, обращаясь по очереди к королеве и к своему начальнику.

— Нет, умоляю вас, нет! Прошу вас, смилуйтесь! Ради всех богов только не это!

— Ты клялся отдать жизнь, если это понадобится, разве ты забыл? — равнодушно ответил ему Мохсендар.

Конан, которого до глубины души возмутило происходящее, ощутил желание восстановить справедливость. Он сделает это прямо сейчас, просто для собственного удовольствия. Какой способ избрать? Может быть, взять этого любителя прятаться за чужие спины за шиворот и забросить прямо в постель к развратной королеве? Будет тогда развлечение им обоим, правда, не совсем то, на которое они рассчитывали… Или просто объяснить ему, как должен вести себя мужчина? Для этого даже не придется пачкать оружие о такого подлеца… Но в это мгновение одна из плиток пола угрожающе качнулась под ним. Оглянувшись, он увидел, что Мохсендар, насмешливо поглядывая на него, осторожно потянул за веревку, на первый взгляд ведущую к звонку для вызова слуг.

— Не вмешивайтесь, — голос советника, до этого достаточно приятный, теперь напоминал шипение рассерженной змеи. — Никого не касается, как я распоряжаюсь своими подчиненными. Без меня вам ни за что не выполнить работу, за которую взялись, непобедимый воин. Потом, если хотите, мы можем вернуться к этому разговору, но не раньше, чем заказ будет выполнен.

Северянин неохотно согласился, дав себе слово, что пройдет не так много времени и коварный царедворец очень пожалеет о своих поступках.

Тем временем страж, повинуясь завораживающему взгляду королевы, прополз на коленях через всю комнату и замер возле самой кровати.

— Какая нынче трусливая молодежь, — промурлыкала хозяйка покоев, довольно жмурясь. — Если они испытывают такой ужас перед постелью, то каковы они на поле сражения? Мне жаль наше государство, которое охраняют такие защитники. Или это все же не так, юноша? Я жду доказательств, что передо мной мужчина, а не жалкий трус!

И, обернувшись к стоящим за порогу Конану и Мохсендару, она небрежно бросила через плечо:

— Входите, или вы намерены стоять там до следующего года? Я полагаю, вы знаете дорогу? Идите же и оставьте меня с моей новой игрушкой.

Последнее, что видел киммериец, покидая комнату с резными стенами, был юноша-страж, который неловко заключил королеву в объятия и брошенный искоса торжествующий взгляд прекрасной хищницы.

* * *

Конан и Мохсендар едва не опоздали. В небольшое помещение, одну из стен которого занимала мозаика, составленная из маленьких зеркальных квадратиков, поставленных под разными углами, они вбежали едва ли не перед самым закатом. Последние лучи солнца освещали лишь пол, оставляя странное сооружение в тени. Советник с видом полного отчаяния бессильно опустился на корточки прямо посреди комнаты.

Конан, сталкиваясь с каким-либо препятствием, предпочитал действовать, а не хныкать как слабая женщина. Без особого почтения стянув со своего спутника металлический панцирь, он поставил его таким образом, чтобы солнечный свет, отразившись от гладких полированных пластинок, упал на зеркальную стену. Мохсендар, сообразив, что имеет в виду догадливый северянин, извлек из-под одежды металлическое зеркальце, одно из тех, с помощью которых была обращена в бегство шайка разбойников, и поступил точно так же. Солнечное пятно стало достаточно ярким и тут же несколько фрагментов мозаики пришли в движение. Каждое из зеркал оказалось гранью куба, который непонятным образом поворачивался то в одной то в другой плоскости, демонстрируя непонятные символы, выгравированные на каждой из граней.

Осторожно передав Конану свое зеркало, Мохсендар торопливо подошел к зеркальной стене, стараясь не загораживать свет, которого с каждым мгновением становилось все меньше. Внимательно вглядываясь в мелькающие перед ним изображения, он осторожно коснулся рукой каждого из вращающихся кубиков и замер в ожидании. Но время шло, а ничего так и не происходило. С досадой хлопнув себя по лбу, Мохсендар простонал:

— Какой же я глупец! Это было в прошлом году, а сейчас это должно быть вот так…

Он надавил на нижний край последнего из зеркальных квадратиков, заставляя куб повернуться, открывая другой символ. Раздался мелодичный звон и тут же в движение пришли вся стенка. Кубики вращались, переворачивались, наполняя комнату множеством солнечных зайчиков, затеявших безумный ни на что не похожий танец. Через некоторое время все успокоилось, кусочки зеркала замерли один за другим. Беспорядочное мелькание на стенах и потолке уступило место множеству неподвижных светящихся пятнышек, которые, правда, с каждым мгновением становились все более и более тусклыми.

Конан с интересом разглядывал диковину. На каждой из сверкающих граней была начертана буква какого-то из древних языков. Нечто похожее варвару случилось как-то видеть в Шадизаре, в книге одного базарного гадателя. Через некоторое время простодушный северянин с возмущением узнал, что прорицатель не в силах прочесть даже строчки из собственной книги, содержание которой, как выяснилось, не имело ничего обще-го с наукой предсказывать будущее…

Советник поспешно читал текст, возникший прямо на его глазах, старательно записывая острой палочкой на покрытой воском дощечке. Когда солнце ушло и в комнате воцарился вечерний полумрак, знаток дворцовых секретов облегченно вздохнул.

— Я успел, о боги, я успел! Теперь осталось лишь внимательно прочесть прорицание еще раз и понять, какую истину хотели до нас донести.

— В таком случае, что мы теряем время? — проворчал Конан, которого это недостойное мужчины многословие и неумеренное проявление чувств начало уже заметно выводить из

равновесия. Кроме того, в том, что им не пришлось ждать у зеркальной стены еще целые сутки, была и его скромная заслуга…

— Вообще-то священный текст не предназначен для ушей непосвященных, но, учитывая… особые обстоятельства… Это еще что? Нет, ошибки здесь быть не может, все именно так и написано: не ищи благодать в прошлом других людей. Ты найдешь необходимое тебе, повиснув в люльке между растянутыми и пересекающимися временами… Ничего не понимаю: прежде речи зеркального оракула были просты и понятны каждому, а теперь… это же бессмыслица какая-то!

— Что же тут непонятного? — нарочито простодушно осведомился северянин. — Где этот предмет хранился в последние годы?

— Как правило, в одном из залов анфилады военной славы, каждый из которых прославляет подвиги кого-то из правителей прошлого. Несколько лет назад — в парадной гостиной королевы Эмилины Мудрой, в годы ее правления здесь была истинная обитель счастья для всех живущих… Благодать в прошлом других людей, ну, конечно же, сейчас в эти залы идти бесполезно. Значит, нам следует направиться…

— Туда, где висит эта самая люлька, куда же еще?

— А вы вовсе не так просты, как желаете казаться, господин Конан. Ну конечно же, люлька, ничем другим это быть не может… Надо спешить!

И худенький советник устремился вперед со всей быстротой, на какую был способен. Конан последовал за ним. Варвар в это время с благодарностью вспомнил одну таверну в самой грязной и неухоженной части Шадизара. Кажется, рассказы того вечно пьяного старого аквилонца, который именовал себя мыслителем, не прошли даром…

Свернув в боковую дверь и пробежав несколько совсем крохотных комнат, советник толкнул зеркало, висевшее на стене одной из них. Повернувшись вокруг своей оси, оно открыло проход, где царила непроглядная темнота. Советник вознамерился, было, ринуться вперед, позабыв о всякой осторожности, но Конан, который мог видеть в темноте гораздо лучше любого другого человека, удержал его. Осмотревшись как следует, чтобы убедиться, что их не подстерегают никакие неприятные сюрпризы, неторопливо двинулся вперед.

Один раз он остановился и прополз некоторое расстояние, прижавшись к пыльному каменному полу, побудив советника сделать то же самое. В ответ на изумленный взгляд Мохсендара, он молча указал на тоненькую еле различимую простым глазом ниточку, протянутую поперек коридора и еще несколько таких же, протянутых над ней на равном расстоянии друг от друга.

В другой раз он схватил ничего не подозревающего советника и швырнул его далеко вперед. Вслед за этим он поднялся по стенам, упершись в них руками и ногами, и преодолел это расстояние подобно гигантскому пауку. Прыгать показалось ему не лучшим выходом; все-таки весил он во много раз больше чем тщедушный советник. Тот, довольно ловко приземлившись на четвереньки и ухитрившись даже не наделать шума, принялся внимательно осматривать стены и пол коридора, которые, казалось, были вырублены из цельного камня. Удостоверившись в свою очередь, что никакая опасность им не грозит, он поднялся на ноги и они продолжили свой путь.

Узкий коридорчик постепенно забирал вверх и Конан ничуть не удивился, когда они оказались на верхней площадке одной из башен. Казалось, что кругом ничего не было кроме черного неба, усеянного небесными кострами, как называли когда-то звезды его родители…

Раздался шум и несколько слов на языке, который был не знаком киммерийцу, но смысл

которых не был от этого менее ясен. Это Мохсендар возился, изо всех сил пытаясь поднять крышку люка, находящегося чуть в стороне от входа, через который они попали сюда. Шагнув к своему спутнику, могучий варвар одним рывком поднял крышку, которую время и ржавчина почти что сделали одним целым с самой башней. Советник, который не успел отпустить руки, тихо ахнув, взлетел вместе с крышкой.

Внутри царила абсолютная темнота, ни одного окна или бойницы, через которые мог бы проникнуть хотя бы самый тоненький лучик света. Конан даже испытал легкое сожаление, что не пожелал захватить с собой никакого светильника.

Как будто прочитав его мысли, Мохсендар извлек из поясной сумки небольшой стеклянный сосуд, внутри которого была укреплен масляный фитиль. Засветив его, советник отважно шагнул вниз, но не успел он сделать и нескольких шагов по узкой крутой лестнице, как одна из ступенек покачнулась и угрожающе заскрипела прямо под его ногами.

Драгоценный светильник выскользнул из руки советника и с успехом повторил судьбу падающей звезды. Конан едва сдержал рвущееся из его груди грозное рычание: как можно вести себя подобно неуклюжей старухе! Теперь придется спускаться намного медленнее. Хотя, ничего страшного не произошло: их выручат его способность видеть в темноте и звериное чутье, которое подскажет, на какую из ступенек этой ненадежной лестницы следует поставить ногу…

Но их подстерегала совсем другая опасность. Упав на каменный пол башни, светильник разбился и поджег валяющуюся там солому. Спускаться пришлось прямо в бушующее пламя. Безо всякого сомнения, было бы самым разумным подождать, пока огонь, истребив всю свою пищу, не угаснет сам собой. Но лестница, сделанная из старого сухого дерева, также показалась ему лакомой добычей. Нужно было действовать без промедления. Поэтому варвар не теряя времени на объяснения, накинул свою куртку на голову вконец растерявшегося советника и ловко в несколько прыжков одолел эту головокружительную высоту. Единственная дверь, которая вела из башни, оказалась заперта, но киммериец снес ее одним мощным ударом. Точно так же он поступил еще с парочкой дверей, которые встретились на его пути.

Перед следующей, покрытой цветными узорами подобно иранистанскому ковру, он немного задержался, разглядывая рисунок, и это спасло произведение неведомых мастеров. Мохсендар, протиснувшись вперед, дважды дернул на себя позолоченную ручку в виде злобно ухмыляющейся обезьяны, приложил обе ладони к двери точно по центру ярко-синего круга и повернул ручку в направлении, противоположному пути, которое совершает каждый день дневное светило. Двери медленно распахнулись.

* * *

— Мы в апартаментах принца Ильрика, — почему-то шепотом сообщил Мохсендар. — В отличие от короля-мага он питал особое пристрастие ко всему, что ездит и движется само по. себе… Ну за какие провинности мы должны лезть именно туда? Разве я паук, чтобы болтаться под потолком вниз головой, каждое мгновение рискуя свалиться?

— Это вы о люльке? — удивился Конан. — Если принц умер в младенческом возрасте,

то о каких механизмах идет речь? Не об игрушках же?

— Нет, вовсе не об игрушках, — загадочно улыбнулся советник, — посмотрите наверх.

Там на высоте во много раз большей, чем во всех прочих дворцовых помещениях, под самым потолком покачивалось нечто отдаленно напоминавшее колыбель. Такая вполне могла бы быть у младенца, родившегося в семье великанов.

Опустив глаза чуть ниже, северянин увидел не менее удивительную вещь. Стены небольшой гостиной, где они находились, не доходили до самого потолка, обрываясь примерно на половине высоты. Кроме того, в этой гостиной была только одна дверь — та, через которую они вошли.

Заинтригованный, Конан обошел вдоль стен, отыскивая потайную дверь. Не может быть, чтобы он, самый искусный и удачливый из воров Шадизара, не смог проникнуть в эту тайну! Но единственное, что ему удалось обнаружить, был шкаф, находящийся прямо в стене и хитро замаскированный цветным покрывалом из тех, которые ткут в своих хижинах мастерицы Черных королевств, живущие на левом берегу реки Зархебы. Там было несколько свитков с порядком выцветшими чертежами и початая бутылка вина, которое за долгое время превратилось в уксус.

— Не стоит тратить время, господин Конан, здесь нет никаких потайных ходов. Хозяин апартаментов попадал в другие помещения совершенно иным способом. Нам нужно подняться вон туда.

Узкая лестница, проделанная в стене, была практически вертикальной и, если бы не тонкие металлические перила, вряд ли бы обычный человек смог бы подняться по ней хотя бы на высоту своего роста. Конан, чьи детские годы пошли в суровых горах Северной Киммерии, с легкостью обошелся бы безо всяких перил, а, возможно, и без ступенек тоже. Советник старался изо всех сил и, хотя его невозможно было бы назвать изнеженным, добравшись, наконец, до небольшой площадки, с трудом вмещающей их обоих, он без сил присел на корточки, прислонился к стене и закрыл глаза. Конан, которого эта прогулка ничуть не утомила, начал вглядываться в окружающий вид.

Советник не солгал: внизу было несколько комнат, обставленных с королевской роскошью. Но между комнатами не было ни двери, ни даже лаза и, кроме того, находясь наверху, можно было с легкостью видеть все, что происходит в каждой из комнат.

На краю площадки виднелось несколько рычагов, соединенных с громоздким механизмом, состоящим из множества зубчатых колес, которые цеплялись друг за друга. На канатах, натянутых в разных направлениях, висела люлька, в которой запросто могло поместиться несколько взрослых человек. С виду она и в самом деле напоминала колыбель для младенца, родившегося в семье великанов или на лодку с высокими бортами.

Значит, с помощью этого механизма можно попасть в любую из комнат. Но странное сооружение было слишком далеко, чтобы до него можно было добраться… И потом, даже если бы варвар смог допрыгнуть до него, то не оказался бы он в этой люльке беспомощным пленником? Нет, разгадку этой тайны следовало искать именно здесь. Предположим, дух покойного принца при желании может с легкостью проходить сквозь стены, но как же сюда попадали слуги, в обязанности которых входило содержать все в чистоте?

Будучи по детски любознательным ко всему, что касалось нового и неизведанного, Конан принялся за разгадывание этой загадки. Механизм немного напомнил ему те, с помощью которых поднимают на крепостные стены пушечные ядра, котлы с горячей водой и прочие тяжести. А чтобы пустая корзина снова опустилась на землю, рычаг приводили вот в

такое положение…

Стоило северянину отжать самый большой рычаг, как внутри непонятного сооружения что-то заскрипело и люлька, обитая ярко-синим шелком и украшенная золотыми звездами, принялась опускаться вниз. Рычаг вернулся в прежнее положение и она замерла, едва не раздавив своим весом круглый мозаичный столик. Понятно; а что, если покрутить вот это колесо? А если чуть повернуть вон ту ручку? Подобно ребенку, получившему в подарок новую игрушку, варвар начал с увлечением исследовать механизм, созданный неведомыми мастерами прошлого для принца, который упорно не желал пользоваться дверями.

Люлька дернулась в сторону, опрокинув несколько статуй и едва не сокрушив стену, затем снова поднялась к самому потолку, волоча за собой довольно большой клок оторванной обивки, затем нырнула в следующую комнату…

— Теперь я начинаю верить тому, что о вас рассказывали, — раздался за спиной восхищенный голос советника. — Как только мы вернемся, ваше вознаграждение возрастет вдвое, нет, втрое! Как все, оказывается, просто: я сажусь в люльку и с вашей помощью осматриваю одну комнату за другой. Мы можем начать поиски прямо сейчас?

— Лучше дождаться утра, — ответил ему киммериец, в котором здравый смысл все же возобладал над азартом и любопытством. — В такой темноте вы вряд ли разглядите эту вашу вещь, да и мало ли что там еще можно встретить.

* * *

Ночь они провели на узкой каменной площадке, Советник завернулся в плащ и попытался хоть немного подремать, а Конан, прислонившись спиной к задней стене, замер и весь обратился в слух. Чувства, гораздо более острые, чем у любого человека, выросшего в цивилизованном мире, позволяли варвару узнать гораздо больше, чем узнал бы любой на его месте.

Священный дворец, который иногда называли Дворец Тысячи Комнат, жил своей странной непостижимой жизнью. Где-то скрипело, рассыхаясь, дерево, где-то за резной панелью, попискивая, возились мыши, где-то шевелилось, пробуждаясь ото сна что-то большое и опасное… Несколько раз варвару послышались какие-то странные шорохи, осторожные шаги мягких лап, боковым зрением он уловил блеснувший в темноте зеленоватый огонек.

Как только ночь уступила место предрассветным сумеркам и за большими стрельчатыми окнами посветлело, путешественники прервали свой отдых. Наскоро выпив по глотку разбавленного вина и перекусив хлебом с сыром, который показался киммерийцу чересчур пресным, они тотчас начали действовать.

Конан, следуя нетерпеливым указаниям советника, подогнал необычный экипаж прямо к самой площадке. Внутри люлька оказалась обита красным бархатом; там валялось несколько основательно пропыленных подушек, веер и один из трактатов об искусстве любви. За этот манускрипт у любого скупщика краденного запросто можно было бы получить не меньше сотни золотых, и то если не особенно торговаться — мелькнула непрошенная мысль у северянина.

Советник осторожно перебрался в люльку и Конан, ловко управляясь с рычагами и колесиками, заставил механизм опуститься в каждой из комнат поочередно. Но когда Мохсендар некоторое время спустя снова «причалил» к краю каменной площадки, на лице его не было радости.

— Ее там нет! — только и смог он выдавить из себя. — Пророчество оказалось неправильным.

Казалось, еще немного и он начнет биться в истерике, топая ногами и колотясь головой о каменную стену.

— Подождите, а там точно говорилось о люльке? — поинтересовался Конан, в который раз подивившись такому неумению владеть своими чувствами.

— Ну, разумеется, я могу его воспроизвести дословно, если вам это что-то может сказать. Там было сказано: вы найдете то, в чем нуждаетесь, повиснув, словно в люльке между растянутыми и пересекающимися временами.

— Хорошо, люльку я вижу, а где здесь времена? — поинтересовался варвар нарочито ленивым тоном. Кажется, этот напыщенный аристократишка все же считает его неотесанным провинциалом; интересно, смог бы он без него продержаться в этом дворце, полном опасных сюрпризов, хотя бы сутки? Особенно оставшись одному, когда больше не стало тех, за чьи спины можно прятаться.

— Времена… о, какой же я глупец, ну, конечно же, времена! Зал великих эпох, вот что нам нужно. Скорее, нам нужно попасть туда как можно раньше!

Конан помог советнику оказаться у подножия лестницы с помощью все той же люльки принца Ильрика, а сам спустился по лестнице с легкостью и быстротой капли воды, скользящей по стеклу.

* * *

Зал великих эпох оказался большим квадратным помещением, на каждой стене которого красовалась впечатляющих размеров картина.

На той, которая находилась напротив входа, было изображено грандиозное сражение; судя по оружию и доспехам, а также по участию в ней иппоуманов, упоминания о которых сохранились лишь в древних сказаниях, дело происходило задолго до Начала Времен. На левой стене красовалась сцена коронации: толстый кривоногий человечек с отталкивающим выражением лица, полузакрыв глаза, ожидал, когда седобородый жрец в пурпурном балахоне водрузит на его голову нечто напоминающее раскрытые челюсти рыбы-кусаки, которую в изобилии привозят на рынок Шадизара каждую весну. Судя по выражению лица, жрец с гораздо большим удовольствием прибил бы коротышку этой короной… На стене справа между окнами с множеством мелких стеклышек была яркими красками написана сцена жертвоприношения молодой жрицы Гимении. Как пояснил Конану Мохсендар задыхающимся от восхищения голосом, девушка добровольно предложила себя в качестве жертвы, чтобы спасти государство от нашествия завоевателей.

С сожалением посмотрев на красивую женщину, которая была вынуждена так бесславно закончить свою жизнь из-за того, что все мужчины оказались трусами, только и годными, что

прятаться за чужие юбки, Конан указал на полусферу из горного хрусталя, занимающую середину зала.

— Надеюсь, теперь мы нашли то, что нужно?

— Да, это она! Посмотрите, разве она не великолепна? Как что это, разве я не говорил, что нам нужна бирюзовая корона?

Корона, искусно выточенная из камня цвета небесной лазури, и вправду была великолепна. Он напоминала цветок, один из тех, которые распускаются ранней весной на склонах гор, когда они только освобождаются из-под снега. Даже Конан, считавший, что сейчас не самое подходящее время, чтобы отвлекаться на что-то другое, невольно представил себе прекрасную женщину, которой была бы к лицу такая корона.

Мохсендар описывал круги, центром которых была прозрачная полусфера, едва не облизываясь как кот, почуявший запах свежей сметаны.

— Берите вашу корону и пойдем, нам предстоит еще избавить дворец от злоумышленника, — напомнил ему варвар.

— Ах, злоумышленника? — неожиданно расхохотался советник. — Успокойтесь, никакого чудовища здесь нет, это была одна из легенд Дворца Тысячи Комнат. Присядьте, я хочу предложить вам нечто лучшее, чем просто кошель с монетами. Хотите занять придворную должность, к примеру, начальника стражи или? Вы, насколько я знаю, большой ценитель женской красоты. Желаете получить в жены столько женщин, сколько пожелаете, даже более того?

— Насколько мне известно, моим заказчиком являетесь не вы, советник, — произнес Конан голосом, похожим на отдаленные раскаты грома. — Уж не хотите ли вы предложить мне нечто бесчестное?

— Вовсе нет, мой прямолинейный друг, ведь вы позволите мне называть вас своим другом? Я действительно благодарен вам, иначе наша беседа просто не могла бы состояться. Итак, о деле, — Мохсендар с видимым сожалением оторвал взгляд от бирюзовой короны и впился глазами в собеседника подобно базарному фокуснику, который взглядом мог заставить человека заснуть или проделать множество забавных и не очень вещей.

— Давайте разберемся, кто является вашим заказчиком? Королевская семья, не так ли? Знайте же, что перед вами тот, кто имеет право на трон ничуть не меньше этих разряженных глупцов. Принц Эвенгар, сын королевы Агилены с которой вы так мило беседовали в Лунном зале, перед тем, как отправиться на ту сторону великой реки, произвел на свет многочисленное потомство. Но лишь двое из них названы наследниками престола — принц Лейнор и принцесса Айрин, мои единокровные брат и сестра. О них речь пойдет несколько позже.

Мой покойный папенька не обделял вниманием ни одну из встреченных им привлекательных женщин, что доставляло множество огорчений его супруге и королеве-матери, моей бабушке. Бабушке, которая никогда не признала бы ни меня, ни моих многочисленных сестер и братьев, не говоря уже о том, чтобы признать за кем-нибудь из нас право на корону…

Надо ли говорить, что почти все из тех, кого мой отец осчастливил своим вниманием, происходили из самого низшего сословия. Даже мне приходилось слышать, как шепотом рассказывалось о служанках, которых поспешно выдавали замуж, обеспечив хорошим приданым, об одной из них, которая проявила упрямство, в результате чего свалилась с лестницы и сломала себе шею.

Мне повезло, моя матушка была камеристкой одной придворной дамы, которая также находила общество принца Эвенгара довольно приятным и занимательным. Правда, его высочество не разделял этого мнения… Одним словом, случилось так, что служанка и госпожа родили в один день и моя матушка, которая была достаточно наслышана о судьбе, которая может ожидать незаконных отпрысков, поменяла нас местами. Сына аристократки несколько дней спустя нашли мертвым в колыбельке, подобное часто случается с младенцами.

С самого раннего детства я знал, кем являюсь на самом деле. Также я знал, что лишен того, чем должен владеть по праву рождения. Всю жизнь я шел к этому и теперь близок к цели как никогда.

Сейчас вы будете присутствовать при моменте исторической важности.

Как только я надену Бирюзовую корону, я стану тем, кем должен стать, невзирая на все правила и условности…

— Что вы от меня хотите в таком случае? — перебил его Конан. — Чтобы я солгал, сказав, что нашел и уничтожил чудовище, в то время как его нет и не было никогда? Но кто же тогда лишил жизни слуг и придворных?

— Чудовище? Нет, оно-то как раз существует, — голос советника звенел подобно натянутой струне, а лицо его все больше наводило на мысли об одержимости. — Не зря столько лет я потратил на изучение многих вещей, которые считаются запретными. И, наконец, я добился своего! Сегодняшний день должен стать днем моего триумфа и вы станете первым его свидетелем.

— А как же ваши многочисленные братья и сестры? — поинтересовался Конан. — Ведь они имеют не меньше прав.

— Не думаете ли вы, что я не предусмотрел такой возможности? — рассмеялся безумец. — Те, кто родился после того, как их матери благоразумно вступали в законный брак, не могут быть мне помехой. Об остальных я позаботился, последнего из моих братцев вы видели. Это был тот юноша, который сейчас наслаждается обществом королевы Северины. Вы спросите, что требуется от вас. Очень немногое — вернуться во дворец и заверить мою августейшую бабушку, что никаких чудовищ во дворце нет и можно беспрепятственно начинать церемонии. Ее будет ожидать маленький сюрприз… — Речь Мохсендара перешла в тоненькое гнусное хихиканье.

— Сюрприз? — недоверчиво переспросил северянин. — И какой же — известие о вашем родстве?

— У вас в Шадизаре что, все лишены способности быстро соображать? Она найдет здесь его величество Мохсендара Первого…. А еще собственную смерть. Так же как и мои дражайшие брат с сестричкой. Заверяю вас, мой прямодушный друг, это будет гораздо неприятнее того, что случилось с дворцовыми слугами. Ничего не поделаешь, без жертв не бывает, а моему питомцу требовалось много еды, чтобы стать большим и сильным. Он был детенышем, когда я вызвал его из родной среды обитания, иначе повелевать им было бы намного труднее. Если вы еще не поняли, именно мой маленький любимец и послужил причиной вашего путешествия в Край Медного Нарцисса.

О, нет, приглашая вас, я всего лишь выполнял повеление моей августейшей бабушки, которая считает своего незаконнорожденного внука давно умершим. Должен вам сказать, что мой поступок вполне в традициях нашей семьи, когда-нибудь, я, возможно, поведаю вам о некоторых забытых страницах королевской хроники… Но довольно пустых разговоров, нас

ждут государственные дела. Итак, вы готовы выполнить возложенную на вас миссию, готовы ли вы первым присягнуть мне на верность?

Для Конана, который и без этого не отличался долготерпением, особенно когда речь шла о подлецах и предателях, эти слова послужили последней каплей, которая переполнила чашу. Его уговаривают совершить бесчестный поступок, обречь на мучительную гибель ничего не подозревающих людей, тех, кто прибудет сюда, доверившись ему. Более того, среди них будет женщина… Ни слова не говоря, варвар потянул меч из ножен.

Мохсендар отпрыгнул от него и выхватил из поясной сумки нечто похожее на костяную детскую свистульку.

— Значит, вы отказываетесь от чести, которая была вам оказана?! Тогда вы сами умрете!

Советник поднес свистульку к губам. Раздался резкий звук, похожий на голос морской собаки, обитающей где-то на побережье земель пиктов. Но существо, появившееся в зале, значительно превосходило размерами это животное и выглядело гораздо страшнее.

Задняя стена разлетелась, как если бы была сложена из глиняных кирпичей, и в проломе показалось нечто, напоминающее водяного ящера, грозу жителей Черных Королевств. Но вслед за вытянутой уродливой мордой в зал протиснулось обезьянье тело, покрытое отвратительной буро-зеленой слизью.

Чудовище выпрямилось, почти достав головой до массивного металлического светильника, потом, повинуясь еще одному свистку, начало медленно поворачивать голову к Конану. Крохотные злобные глазки остановились на киммерийце, изо рта, полного длинных острых зубов, раздалось нечто среднее между свистом и змеиным шипением.

Могучий варвар предпочел напасть первым, но лапа, которая была размером в половину его роста, с легкостью отбросила его к стене. Меч гоже лишь скользнул по боку чудовища, не оставив даже малейшей царапины. Отступать перед противником, как бы силен он ни был, вовсе не входило в привычки Конана из Киммерии и предстоящая схватка лишь горячила его кровь. Но если судьба предоставляет возможность одержать победу более простым способом, стоит ли отказываться от такого подарка?

Совершив несколько головокружительных прыжков, которым позавидовал бы любой гимнаст-канатоходец, северянин оказался рядом с Мохсендаром, который удобно устроился на крохотной банкетке, вознамерившись полюбоваться спектаклем. Схватив вероломного советника за ногу, Конан энергично встряхнул его. Подобрав выпавшую свистульку, северянин дунул в нее и швырнул несостоявшегося Мохсендара Первого прямо под ноги своему питомцу. Услышав знакомый звук, чудовище посмотрело на Конана уже без той злобы, с которой взирало на него несколько мгновений назад.

Природная сообразительность подсказала варвару издать тот же короткий переливчатый свист, что и его недавний спутник. Взгляд непонятного существа с мгновенно вспыхнувшей злобой обратился на бывшего хозяина, который пытался незаметно уползти в сторону, громадные лапы схватили его и в мгновение ока превратили незадачливого претендента на королевский престол в мешок сломанных костей.

* * *

Оставшись один на один с кошмарным созданием, Конан не растерялся; подобное было ему вовсе не свойственно. Если он смог с помощью свистка приказать чудовищу расправиться со своим бывшим хозяином, то отчего бы не велеть ему, например, спрыгнуть с крыши дворца? И хитроумный варвар двинулся наверх, продолжая время от времени издавать тихий манящий свист. Инстинкт и знания, полученные за время, проведенное в Шадизаре, помогли ему найти наилучший путь, ведущий на крышу.

Осталась позади анфилада парадных залов, чьи-то скромно обставленные личные комнаты. Парадная лестница из белого немедийского мрамора сменилась более узкой из красноватого резкого дерева. Дверь, которая преграждала путь на чердак, была отброшена мощным ударом и отлетела, рассыпавшись на множество лакированных щепок.

Чердак был огромным, потолок и дальние стенки его лишь угадывались в царящем здесь полумраке. И, тем не менее, когда-то чердак был обитаем. Более того, кто-то устроил здесь магическую лабораторию. Об этом ясно давали понять стол, заваленный склянками всех форм и размеров, небольшой постамент, на котором громоздились пожелтевшие свитки и книги в темных кожаных переплетах. Здесь же, на почти прогоревшей металлической жаровне неведомый чародей разводил огонь, не опасаясь пожара или надеясь на что-то ведомое лишь ему самому. Хотя, судя по тому, как почернела наклонная стенка и обуглились стропила, однажды пожара избежать все же не удалось.

Внезапно варвар едва не споткнулся, наткнувшись на что-то напоминающее сверток ткани. Бросив взгляд вниз, Конан почувствовал, как ярость снова охватывает его. Еще несколько дней назад это была девушка, молодая и хорошенькая; служанка, если судить по тому, что осталось от ее платья. Была, пока омерзительная помесь водяного ящера и обезьяны не притащила ее сюда, предварительно выпотрошив подобно тому, как хозяйка на кухне чистит рыбу… Киммериец и не заметил, как под влиянием гнева зубы его сжались и костяная свистулька обратилась во множество обломков.

Не растерявшись, Конан попытался воспроизвести манящий звук без помощи свистульки, но это лишь раздразнило чудовище… Киммериец отпрыгивал, уворачивался, пытаясь достать его мечом, но ничего этим не достиг. Отвратительное существо продолжало с завидным упорством наскакивать на него, мгновенно взбираясь на стены, чтобы сверху прыгнуть на того, кого считало своей законной добычей.

Варвар бросил взгляд на выгоревшее пятно над самым карнизом и счастливая мысль блеснула в его мозгу. Он сделал вид, будто сейчас побежит именно в ту сторону и спрячется в угол. Чудовище, как он и предполагал, прыгнуло в самый центр обугленного пространства. Крыша, не выдержав его веса, проломилось и существо, созданное при помощи запретной магии, вывалилось наружу и повисло, уцепившись одной лапой за резной карниз, изображающий стаю крылатых жаб.

Конан вылез на крышу и направился в ту же сторону, осторожно ступая по скользким изумрудно-зеленым плиткам. Чудовище уже ухватилось за карниз второй лапой, сейчас оно подтянется и тогда неизвестно чем кончится их противостояние. Решив зря не испытывать судьбу, Конан вынул из ножен меч, выкованный его отцом из стали древних атлантов и одним ударом отделил карниз от остальной крыши. С жутким леденящим душу воем чудовище полетело вниз, с размаху ударившись об устилавшие двор плитки розоватого камня.

* * *

Посмотрев вниз и убедившись, что с мерзкой тварью покончено, Конан вернулся на чердак. Бросив взгляд на этажерку с магическими книгами, варвар почувствовал величайшее отвращение. Нет, он даже не возьмет их в руки, какой бы ценностью они ни обладали.

Конан уже неторопливо направился к выходу, как вдруг его острый слух уловил стук и жалобные крики, раздававшиеся где-то внизу. Недолго думая, киммериец схватился за край одной из досок, устилающих пол чердака и одним движением выломал ее. То, что оказалось под ней, тоже недолго сопротивлялось мощному напору.

В открывшуюся дыру варвар увидел на редкость неприятную сцену. В одном из залов верхнего этажа были люди, должно быть потерявшиеся придворные. Роскошная одежда на них была в беспорядке, а вид на редкость истощенный и недовольный жизнью. Но это было далеко не все. Посреди зала стояла статуя, ростом в несколько раз выше Конана — женщина, несущая на голове корзину с фруктами. На куче мраморных яблок и апельсинов с трудом удерживалась хрупкая изящная блондинка, судорожно вцепившись в ненадежную опору. Двое мужчин, костюмы и физиономии которых носили следы самой неблагородной драки, описывали круги, кровожадно глядя на женщину. Даже Конану, которому случалось посетить Черные Королевства и не понаслышке познакомиться с нравами племен, живущих в самых затерянных уголках джунглей и не считающих людоедство чем-то неестественным, и то стало не по себе.

Между тем один из придворных сделал попытку забраться наверх статуи, рыча, что он голоден и не может больше ждать, когда пища сама слезет к нему. Но, едва он забрался по мраморным складкам одежды примерно на высоту своего роста, как товарищ по несчастью стащил его за ногу, завывая подобно взбесившемуся шакалу. Он не собирается уступать еду кому бы то ни было.

Окончательно потеряв всякий человеческий облик, двое мужчин принялись кататься по полу, кусаясь, царапаясь и пытаясь добраться друг другу до горла.

Благородный варвар спрыгнул вниз, проломив хрупкое покрытие. Лепные украшения и разноцветные кусочки мозаики дождем посыпались вместе с ним. Оказавшись рядом с дерущимися, Конан легко поднял их за шиворот и с силой стукнул лбами друг о друга, после чего старательно запеленал расшитыми занавесками, которые почему-то оторвались вместе с карнизом и приличным куском потолка.

На лице дамы появилось выражение безграничного счастья.

— Боги услышали мои молитвы! Они не дали совершиться этому ужасному злодеянию! Кто вы, благородный незнакомец?… И нет ли у вас с собой какой-нибудь еды? Уже больше недели мы увидим здесь взаперти. Мои спутники лишились рассудка, они хотели… хотели…

Не договорив, женщина расплакалась, громко всхлипывая и без стеснения пользуясь подолом своего платья в качестве платка. Северянин, который без страха смотрел в глаза любой опасности и с легкостью ввязывался в схватку, невзирая на количество и силу противников, на удивление легко впадал в замешательство при виде женских слез. Тем более, если девушка настолько привлекательна, а он уже несколько дней лишен женского общества.

Тщательно обшарив все карманы и поясную сумку, киммериец с сожалением обнаружил, что самое большее, что он может предложить даме — это совершенно раскрошившийся

кусок лепешки. Пообещав, что его отсутствие продлится недолго, Конан отправился на поиски чего-нибудь съестного.

Женщина, которая, несмотря на все уговоры, категорически отказалась спускаться вниз, осталась его ждать в своем убежище. Двое безумцев тем временем пришли в себя и принялись извиваться в своих путах подобно гигантским личинкам, стараясь добраться друг до друга. Без стеснения надавав им пинков и растащив по разным углам зала, северянин пообещал оставить их без еды, если те немедленно не угомонятся.

Но ни в соседнем, ни в следующих залах не нашлось ничего, что годилось бы в пищу. Там было множество драгоценных предметов, за каждый из которых можно было бы выручить кучу денег, которых хватило бы, чтобы устроить роскошный пир. Единственное, что можно было бы съесть — это растения в оранжерее, но кто знает, не окажется ли такой обед последним для тех, кто соблазнится этими полузасохшими растениями?

Вдруг острые глаза варвара заметили, как что-то мелькнуло за окном. Птицы, как раз то, что требуется, чтобы подкормить оголодавших придворных и перекусить самому. О том, каким способом заполучить желанную дичь, варвар даже не задумался. Здесь полно мебели, из обломков которой можно изготовить неплохую ловушку, а кресла и диваны, насколько ему известно, принято набивать конским волосом…

Некоторое время спустя Конан снова появился в зале, с торжеством неся четырех птиц.

— Спускайтесь, сейчас у нас будет обед!

Но блондинка лишь издавала жалобные возгласы, спуская то одну, то другую изящную ножку с края мраморной чаши и безуспешно пытаясь нащупать хоть какую-то опору. Покачав головой, Конан моментально залез к ней и, посадив девушку себе на плечи, спустился вниз. Статуя немного качнулась, протестуя против такого непочтительного обращения, но вопреки опасениям киммерийца, осталась стоять. Спасенная не сводила глаз с пищи, как будто по волшебству появившейся перед ней.

Но не есть же птиц сырыми и тем более немыслимо предложить подобное блюдо благородной и такой симпатичной женщине. Ничего, он сумеет что-нибудь придумать.

Конан с удобством устроился на скамейке, обитой светлым бархатом, и начал старательно ощипывать свою добычу. Блондинка, которую варвар не решился привлечь к этому занятию, подскочила и, схватив другую тушку, принялась торопливо выдергивать из нее перья. Улучив момент, когда Конан отвернулся чтобы прикрикнуть на спеленатых мужчин, которые решили напомнить о своем существовании, она впилась зубами в шею птицы не хуже дикой кошки.

Вскоре в бронзовой чаше загорелся веселый костерок из обломков изящной мебели. Вертелом послужила длинная изогнутая железяка, извлеченная Конаном из давно засохшей цветочной композиции, украшавшей чью-то парадную спальню. Киммериец принялся жарить птиц, так старательно, как если бы от этого и в самом деле зависело что-то важное. Внезапно до слуха его донеслось рычание, скулеж и прочие звуки, которые никак не могли вырываться из груди человеческого существа.

Молниеносно развернувшись, готовый встретить неожиданно появившуюся опасность, киммериец был изумлен тем, что предстало его взору. Милая изящная девушка устроила себе развлечение, проявив жестокость, которой в ней невозможно было предположить. Стащив птичьи потроха, она со счастливым смехом водила сочащимися кровью кусочками перед самым лицом беспомощного мужчины, так, чтобы он не мог ухватить их. Внезапно, тот, изловчившись, едва не цапнул ее за руку. Жалобно вскрикнув, она уронила кусочек потрохов

на узорный пол. Повернувшись на бок, придворный с довольным урчанием проглотил их, вылизав камни пола до последней капли. Второй громко протестовал против такой несправедливости, требуя порцию потрохов и себе тоже.

Отломив по наполовину сырому крылышку, варвар скормил их аристократам, от голода потерявшим всякое понятие о приличиях. Дама, съев целую птицу, смотрела на киммерийца так, что самая распущенная из обитательниц веселых домов показалась бы рядом с ней законченной скромницей. Наконец, облизав пальцы и украдкой вытерев их об обивку кресла, она приняла изящную позу и произнесла светским тоном:

— Я Мелисса, из свиты королевы-матери. Позволь узнать твое имя, мой благородный спаситель и расскажи какой счастливый случай привел тебя во дворец.

— Я Конан из Киммерии, — ответил варвар. — Меня попросили избавить королевский двор от… чудовища.

— И ты это сделал, правда?

Выглянув в окно и увидев то, что осталось от омерзительной помеси обезьяны и ящера, Мелисса по-детски захлопала в ладоши:

— Как это чудесно! Теперь мы можем наконец-то уйти отсюда и никто нас не растерзает как тех бедняжек.

Освобожденные от пут аристократы по очереди важно кивнули, продолжая жадно глотать пищу. Варвар заметил, что они избегают смотреть друг на друга и всякий раз опускают глаза, встречаясь взглядом с Мелиссой.

* * *

Останки бедняжек, которые должны были участвовать в приготовлении дворца к церемониям, Конан обнаружил на галерее верхнего этажа. Похоже, чудовище порезвилось на славу, догоняя и притаскивая их сюда одну за другой… Вернувшись, варвар молча повел своих спутников через другую дверь.

По дороге они обнаружили троих слуг, которые все это время провели в потайной комнате за библиотекой, задвинув вход тяжелым шкафом. Так как они были едва живы от голода и переживаний, Конану пришлось самому извлекать перепуганных людей из убежища, проделав для этого проход рядом с дверью. Стены в этом дворце оказались на удивление непрочными… Четверо стражников сами выскочили на них из-за поворота в одном из коридоров. Доблестные воины уже несколько дней скрывались здесь от чудовища, которое преследовало их, постепенно похищая одного за другим. Как выяснилось, служители порядка время от времени утоляли голод, опустошая содержимое ловушек для грызунов…

Обратный путь был не таким уж легким. Конан шел впереди, внимательно вглядываясь, не затаилось ли где-нибудь смертоносной западни. Во время этого короткого путешествия он не раз с благодарностью вспомнил тех, кто когда-то преподал ему тонкости воровского ремесла. Поэтому благодаря этим знаниям, а также интуиции и варварской хитрости киммерийца, все благополучно одолели большую часть пути.

Правда, когда путешественникам потребовалось подняться по узкой лестнице, ведущей в покои очередной королевы, славящейся своими амурными похождениями, их ждал

неприятный сюрприз. Несколько ступенек, стоило лишь поставить ногу на них, поворачивались, не давая идти дальше.

Не теряя времени на ненужные размышления, Конан вернулся в один из предыдущих залов и позаимствовал оттуда ковровую дорожку, вышитую жемчугом и золотыми нитями. Накинув ее на ступени коварной лестницы, хитроумный варвар, ловко метнув несколько парадных кинжалов, до этого праздно висевших на ковре, пригвоздил ее к противоположной стене.

* * *

Впереди была знакомая галерея, в конце которой находился вход в анфиладу комнат, окна которых закрывали каменные решетки. Еще немного и они покинут этот дворец. Но тут один из придворных спохватился:

— Вы ведете нас к выходу? Но мы не можем покинуть дворец без Бирюзовой короны! Она не должна оставаться без присмотра.

Киммериец недовольно заворчал, узнав, что для того, чтобы прихватить эту необыкновенно важную реликвию, им придется вернуться почти что на треть пути. Но Мелисса так жалобно посмотрела на него, кротко упрашивая сделать это для нее, что сердце варвара дрогнуло…

Бирюзовая корона была там, где ее оставили — на круглом золотом столике, спрятанном под полусферой из горного хрусталя. Безо всяких видимых усилий, Конан приподнял изделие неведомых мастеров и сделал приглашающий жест придворным.

— Ну, берите вашу корону и пошли! Мы и так тут задержались.

К бирюзовой короне приблизилась Мелисса. Она протянула руки, намереваясь взять бесценный предмет, но всякий раз оказывалось, что корона находится чуть левее, чуть правее, чуть дальше… Расплакавшись, девушка уступила место сперва одному, а затем и другому придворному. Но, несмотря на все их усилия, корона так и осталась на своем месте. После них попытали удачу стражники и слуги, но цветок из синего камня так и не покинул своей подставки.

Потеряв терпение, Конан отбросил в сторону хрустальную полусферу. Она откатилась к противоположной стене и, жалобно зазвенев, разбилась на множество кусков. После этого один из самых удачливых и искусных воров Шадизара, убедившись, что никакая опасность ему не угрожает, взял корону и, обернув ее оторванной занавеской из малинового немедийского бархата, сунул в свой дорожный мешок. Здесь она будет целее всего. Мимоходом пожалев, что нельзя взять себе кое-что из драгоценных игрушек и ярких камушков, варвар повел спасенных обратно к выходу.

* * *

— Вот так все и было, — закончил киммериец свой рассказ, торжественно ставя бирюзовую корону на столик из молочно-белого камня.

Высокородная заказчица слушала его, не проронив ни слова. На нее не произвело никакого впечатления, что советник, столько лет преданно служивший ей, оказался вовсе не тем, за кого себя выдавал. Рассказ о чудовище, вызванном коварным Мохсендаром и его планах относительно нее самой тоже не вызвали у нее ни малейших эмоций. Но, увидев Конана, держащего корону, она не смогла сдержать изумления:

— Как вы взяли ее в руки? Вы смогли сделать это?

— Конечно, иначе эти трое не отстали бы от меня, они все время твердили, что нельзя оставлять эту штуку без присмотра.

— Дело не в этом. Коснуться бирюзовой короны может лишь тот, кому предначертано занять королевский престол, неважно, по праву рождения, завоевав его или получив как дар богов за особые заслуги. Оракул не ошибся, у вас и в самом деле удивительная судьба. Вам никогда не говорили, что вам суждено стать королем?

— Каждый сам создает свою судьбу, — ответил варвар. — А становиться королем мне не особенно хочется. Когда улыбаются тебе в лицо, а на самом деле ждут твоей смерти, тот, кого ты считаешь лучшим другом, может поднести тебе отравы, а прекрасная женщина, едва ты уснешь… Нет уж, благодарю. Если никаких дел для меня здесь больше нет, то я бы предпочел отправиться в путь завтра утром.

— Подождите, — остановила его королева. — Мне нужны храбрые преданные люди, наделенные живым умом… и не мечтающие о королевском престоле. Я хочу предложить вам стать главным хранителем Дворца тысячи комнат. Никто лучше вас не справится с ловушками от воров и старыми тайнами. Все слуги и стражники будут подчиняться вам….. Не хотите? А что вы скажете о месте начальника дворцовой стражи? Подумайте, такие предложения не делаются кому попало… Вы отказываетесь и от этой милости, так я и думала, — печально покачала головой королева — Что же, спешите навстречу своей судьбе, Конан из Киммерии.

Когда Конан снова поднял глаза после учтивого поклона, в зале кроме него никого не было. Кресло из молочно-белого камня снова было пустым.

* * *

Подняв на плечо кожаную сумку, туго набитую золотыми монетами, варвар заспешил к выходу. Жить во дворце, среди толпы разодетых кривляк, подчиняться сотне запутанных правил этикета, и местных законов вроде того, который предписывает заплетать гривы лошадей в косички после захода солнца, стоя на одной ноге, обратившись лицом в сторону королевского дворца — нет, такое вовсе не для него. Он привык принадлежать самому себе и никому больше. Он не собирается уподобляться прирученному зверю, томящемуся всю оставшуюся жизнь в золотой клетке. Скорее подальше от всех этих интриг и тошнотворных дворцовых тайн!

Конан собирался направиться прямо на рынок чтобы, не теряя времени, купить все необходимое для обратной дороги. Прежде всего, нужно будет найти коня, лучше степной

породы. Они не слишком хороши собой, зато способны преодолевать любые расстояния и не так нуждаются в уходе как тонконогие красавцы, украшающие собой конюшни аристократов. Он проведет ночь на каком-нибудь постоялом дворе, а утром, еще до восхода солнца отправится в путь. Возможно, он вернется в Шадизар… А почему, именно туда? Весь мир открыт перед ним, на свете есть множество стран, где он еще не был, множество приключений, красивых женщин…

Конан уже отошел довольно далеко от дворца, когда дорогу ему преградил закрытый паланкин, который несли черные великаны — уроженцы Зембабве — одетые лишь в набедренные повязки из золоченой ткани. Шелковые занавески зашевелились и удивленному взору Конана предстало нечто изумительное. Без всякого сомнения, перед ним была госпожа Мелисса, но как она изменилась за несколько дней, прошедших со времени ее спасения! Светлые волосы были уложены изящными локонами, полупрозрачный бледно-сиреневый шелк закутывал ее фигуру, на лице с едва заметно подведенными глазами не было ни тени страха или печали. Глядя на эту неземную красавицу, невозможно было даже допустить мысли, что она спасалась от двух обезумевших аристократов, забравшись в корзину на голове статуи.

Мелисса обворожительно улыбнулась: — Конан, мой великодушный спаситель! Я не простила бы себе, если бы позволила моему спасителю покинуть Розовый сад, не повидавшись со мной. Мне хочется поблагодарить за все, что ты для меня сделал. Ведь мой варвар не откажется придти сразу после захода солнца к моему дому, близ которого фонтан в виде трех рыб. Итак, я жду, мой герой!

Изящная белоснежная ручка сделала прощальный жест и тут же исчезла в ароматном полумраке паланкина. В конце концов, — подумал киммериец, когда дыхание его выровнялось и присутствие духа, наконец, вернулось к нему, — ничего не случится, если я задержусь здесь еще на сутки… или чуть больше.